

Война магов

Автор:

Александр Прозоров

Война магов

Александр Дмитриевич Прозоров

Князь #6

Тяжкая ноша – знать будущее. В далеком XVI веке из всех смертных только Андрею Звереву, князю Сакульскому по праву рождения, известно, что через тридцать лет армия Казанского ханства принесет гибель Великой Руси. Поэтому именно сейчас, пока в Казани куда больше друзей России, нежели врагов, нужно воссоединить оба государства. Однако против пришельца из XXI века будто ополчается весь мир: европейские страны не желают усиления Руси, могучая Османская империя боится потерять вассала на Волге, государь стремится избежать лишней крови. Андрею приходится столкнуться и с хитростью, и с обманом, с царской опалой и колдовством чародеев, многократно превосходящих его силой, с целыми армиями и изменой. Однако князь знает: если он отступит, его Родина перестанет существовать.

Александр Прозоров

Война магов

Часть первая

Казанская присяга

Плавучий город

Полина зачерпнула полный корец холодного пенистого кваса, сделала несколько глотков. Ее обычно спрятанные под кокошником волосы ныне змеились русыми потоками по спине и плечам, капли на зарумянившемся теле сверкали в свете свечей тысячами алмазов, от кожи волнами раскатывался горячий запах крапивы и черемухи. Княгиня покачала ковшиком перед лицом, сделала еще глоток и решительно опрокинула остатки напитка на камни. Послышалось злобное шипение, баню тут же заволокло сизым паром, и густой хлебный дух перешиб все прочие запахи. Жар стал невыносимым, добрался до самого нутра, до мозга костей, до сердцевины каждой клеточки тела, покрывшегося крупными капельками пота.

– По-оберегись! – Андрей спрыгнул с верхнего полка, промчался мимо жены, толкнул дверь в предбанник наружу, прыгнул на рогожку, пронесся вниз по ледяной горке и шумно врезался в прорубь, с головой уйдя в темную февральскую воду. Темную – но не студеную. Распаренное, перегретое до нестерпимости тело напрочь отказывалось ощущать холод.

Князь Сакульский нырнул несколько раз, потом лег на спину, раскинул руки, почти касаясь ими кромок льда, и замер, паря на границе двух миров, вглядываясь в бездонное звездное небо. Тут вдруг кончик носа что-то осторожно кольнуло. Андрей встрепенулся, в два гребка добрался до сходней, выскочил на берег и побежал по лестнице наверх, отлично зная, что сейчас случится. И точно – уже на середине лестницы мороз, словно спохватившись, вцепился острыми зубами в его уши, наждачкой скребанул по спине и животу, заставил остекленеть кончики волос, защипал плечи, ноги, начал липнуть к пяткам – но Зверев уже влетел в приоткрытую створку, захлопнул ее, проскочил предбанник, с разбегу прыгнул на верхний полоч и взмолился:

– Квасу давай, чаровница моя ненаглядная!!!

Княгиня вновь плеснула на камни. Клубы пара взметнулись к потолку, разгоняя острые когти мороза и возвращая телу живительное тепло.

– Криотерапи-и-ия... – блаженно прошептал князь.

– Совсем ты не бережешь себя, батюшка наш, – покачала головой женщина. – Как же ж можно, с жару-то да на мороз? Баловство сие есть бесовское. Веселие от лукавого.

– Не батюшка, Поля, – свесившись с полка, поймал ее за плечо Андрей. Привлек к себе, крепко поцеловал в губы. – Не батюшка, а суженый твой, на роду написанный, Богом сюда присланный и с тобой обвенчанный. Муж твой единственный, любящий и дня одного без тебя не мыслящий...

– Как ты молвишь слова сии зазорные, князь? – Полина, даром что румяная от жара, зарделась еще сильнее. – Срамно...

– Чего тут стыдного, любимая? – засмеялся Андрей. – Чай не девке дворовой слова такие шепчу, а жене своей законной, пред Богом венчанной, пред людьми супругой названной. Как же сердца своего красавице желанной не открыть?

– Идти надобно, сокол, – все равно засмушалась воспитанная по монастырским канонам княгиня. – Полночь скоро, бесовское время. Заявятся банщики с домовыми, овинными и лешими, вусмерть упрут.

– Как же придут? Мы же при крестах! Нечто молитвы христианской не испугаются?

– Ночь, время бесовское, – перекрестилась женщина. – Кто их знает, чего они испугаются?

– Коли так, то пошли, – не стал спорить Андрей. – Не будем вводить нечисть в искушение. Свечи тушить или им оставим?

– А на что им свечи? Чай, нежить ночная. Гаси.

Зверев задул огоньки, вслед за женой вышел в предбанник, сунул ноги в валенки, кинул жене на плечи песцовую шубу, сам прикрылся тяжелой «московской», бобровой, приобнял Полину и вывел из бани. По широкой расчищенной дорожке они направились к подсвеченному двумя факелами крыльцу и тут же вошли в дом, розовый от красных лампадных огоньков.

– Матрена! – кликнул он дворцовую ключницу. – Вели курицу печеную и вина рейнского в опочивальню отнести, к столу не выйдем. И пошли кого в баню, исподнее наше в стирку забрать.

– Сей же час сделаю, батюшка, – низко поклонилась одетая в десяток юбок и несколько кофт краснощекая баба, истинные формы которой под многослойным тряпьем угадать было невозможно. – Не беспокойся.

Андрей заторопился за женой на второй этаж, отлично зная, что у скромницы на уме, и успел вовремя: Полина скинула шубу и как раз собиралась нырнуть в сатиновую, шитую зеленым и алым катурлином исподнюю рубаху. Князь обхватил ее за пояс, крутанул, отрывая от пола, и вместе с молодой женщиной опрокинулся на пышную перину, утонув в постели почти на полметра – водяная кровать заплакала б от зависти при виде этой нежной роскоши.

– Что ты делаешь, Андрюша? – пригладив его волосы, прошептала княгиня. – Срамно...

– Повинуйся, несчастная! – так же шепотом пригрозил Зверев. – Ты жена моя пред Богом и слушаться должна во всем безропотно.

– Я... слушаюсь... – Она вытянула руки над головой и прикрыла глаза. – Повинуюсь, супруг мой. Я вся твоя, сокол мой ненаглядный, любимый мой, желанный...

Белая, как сметана, кожа отзывчиво розовела от прикосновения губ, напрягались соски, дыхание жены становилось все чаще, на маленьком вздернутом носике задрожали крылья, пальцы сжались в пухлые кулачки. Рот несколько раз приоткрылся и снова сомкнулся – но Андрей так и не понял, что хотела сказать его любимая. Наверное, то, что монастырской воспитаннице произносить уж совсем невместно – даже в мужниной постели.

Тут в дверь постучали. Князь чертыхнулся, схватил край ватного одеяла и дернул к себе, закрывая обнаженные тела от постороннего взгляда.

– Кого там несет на ночь глядя?

– Прости, батюшка, велено...

Тяжелая дубовая створка отворилась, в спальню торопливо просеменили молодые, лет по пятнадцать, девки, в длинных темных юбках и грубо вязанных старушечьих кофтах, простоволосые, лишь с перехватывающими лоб красными лентами. Они быстро расставили на столе ужин: блюдо с румяной птицей, глиняный кувшин, два деревянных стаканчика. Потупив взор, служанки выскочили наружу, грохнула дверь – и одновременно Андрей откинул край одеяла.

– Перестань, неудобно, – попыталась прикрыться ладошками Полина. – Грешно жене пред мужчиной нагой оставаться.

– И не думай! – развел князь ее руки в стороны. – Ты не просто жена. Ты моя жена, и я хочу тебя видеть. Полина моя, Полюшка-Поля... На тебя можно смотреть бесконечно. Ты так красива, что рядом с тобой забываешь обо всем на свете. Твоя кожа глаже китайского шелка, твои груди манят к себе, как непокоренные вершины, твои губы подобны лепесткам розы и просят прикосновения, твои брови изящны, как прыжок соболя, твои глаза подобны бездонным колодцам, из которых хочется напиться чудесной прохладой...

Он наклонился и по очереди прикоснулся губами к ее векам, впился в полуоткрытый ротик, скользнул дальше, к подбородку, вниз по нежной шее.

– Это просто Песнь Песней, любимый мой, – прошептала княгиня. – Никогда не слышала ничего прекраснее.

«Великие Боги! Неужели она не читала в своей жизни ничего, кроме Библии?»

– А что рассказывал великий Соломон про горячее лоно, сладость которого несравнима ни с чем из земных наслаждений? – резко сдвинулся наверх Андрей, и жена то ли охнула, то ли просто выдохнула, ощутив, как слились воедино их тела.

– Соломон... Соломон... Господи, сокол мой ненаглядный! – Она наконец-то стала просто женщиной, сомкнула руки у него за спиной, изогнулась навстречу, вместе с мужем стремясь к чудеснейшим глубинам наслаждений, допустимых для смертного человека. – Милый мой, счастье мое, радость единственная,

соколик долгожданный...

Напряжение заставило Андрея с силой прижать ее к себе – словно судорога прошла по всему телу, чтобы оборваться горячим сладострастным взрывом... И он вытянулся рядом с молодой женщиной, медленно приходя в себя после пережитого наслаждения. Полина пару минут не двигалась, потом резко встrepенулась, нащупала в изголовье рубаху, накинула на голову.

Князь тоже поднялся, подошел к столу, налил себе полный стакан слабенького сухого вина, выпил, оглянулся на супругу.

– Горло смочить не хочешь?

– Благодарствую, батюшка, сыта я ныне.

– Значит, и курицу не станешь?

– Нет, не хочу.

– Ну как знаешь...

Он налил себе еще вина, выпил, отломал от тушки ногу, съел, вытер пальцы об рушник. Снова наполнил стакан, подошел к окну, провел пальцем по слюдяной пластине, оставляя длинный гладкий след. Дом был хорошо протоплен, окна запотели, а понизу даже покрылись пушистой коркой изморози. Зима...

«Стекла бы вставить, – подумалось Звереву. – А то ведь ничего за окном не видно. Вроде бы из песка его выплавляют. Только вот температура высокая нужна. А где ее тут возьмешь?»

От перины уже доносилось ровное посапывание. Князь опрокинул в рот вино, потушил все четыре светильника и, сбив в темноте попавшие под ноги валенки, забрался в постель, в жаркую мягкую перину.

– Спокойной ночи, Поля.

Жена не ответила. Спала. Андрей вытянулся рядом и закрыл глаза. А когда открыл – спальня, словно от новогодней мишуры, сверкала сотнями разноцветных зайчиков, разбросанных по стенам, полу и потолку неровными слюдяными «стеклами». Княгини рядом не было – хлопотала где-то, хозяйюшка. Курицы и вина на столе – тоже.

- Не очень-то и хотелось, – хмыкнул Зверев.

Он выбрался из глубокой перины – не самая простая задача, между прочим. Натянул чистые атласные порты, завязал узел на животе, потом надел рубаху из грубого домотканого полотна, но зато с вышитым женой воротом, затем еще одни штаны, снова соорудил узел на завязках... – Проклятие... Памятник тому, кто резинку для штанов изобретет!

Жизнь в шестнадцатом веке в корне перевернула его представление о прогрессе. Теперь он считал гениями не изобретателей синхрофазотронов – а создателей обычной бельевой резинки; не строителей небоскребов – а авторов обычного унитаза; не проектировщиков космических кораблей – а «родителей» обычного пластикового пакета. Разве могут люди двадцать первого века понять, какое это счастье: не спутывать и распутывать ежедневно по десятку завязок на своей одежде, не покупать кожаный мешок, чтобы донести пару фунтов овса, не высекать искру огнем на мох, а потом раздувать, запаливать бересту, от нее лучину – только ради того, чтобы зажечь тусклую масляную лампу? Разве они знают, что прожить без компьютера, телевизора и Интернета намного проще, чем без банального куска мыла и тюбика зубной пасты? А без зеркала? Без одеколона?

- Зато здесь не существует будильников...

Князь Сакульский натянул мягкие замшевые сапоги, поднял с сундука скромную темно-малиновую ферязь, подбитую горностаем и украшенную янтарными пуговицами, опоясался драгоценной булатной саблей, снял со стены колчан с лайковым луком, тут же привычно накрутил золотое кольцо с фаской посередине на большой палец правой руки, застегнул серебряный браслет на запястье левой. Боевые стрелы оставил на месте – у Пахома на холопьею поляне наверняка имелся запас истрепанных учебных.

После теплого дома на крыльце перехватило дух от нещадного мороза. Небо было чистым, как нарисованным, в лучах солнца искрились, словно горы драгоценных самоцветов, сугробы, деревья стояли одетыми в тонкие пушистые костюмчики изморози. Среди всего этого великолепия расхристанный рыжий Феофан в драном тулупе тянул сани, нагруженные конским навозом вперемешку с сеном, к выгребной яме, что лежала аккуратно между княжеским домом и деревней, пускающей в небо слабые сизые дымки из черных труб. До весны – туда, а как снег сойдет – в поля навоз поедет, на пашни, что под пар в этом году оставлены.

– Проза жизни. Навоз и солнце, день чудесный... – хмыкнул Зверев, сбежал по ступеням вниз и повернул вправо, за угол, на пустырь между дворцом и обрывом у затона, отведенный для занятий его скромной дружины.

Разумеется, холопы были уже здесь. Под грозные окрики Пахома они отрабатывали работу саблей в пешем строю. Морозный день – лучшее время и для битвы, и для тренировки. Без брони ведь в драку не сунешься. А железо надевать – хочешь не хочешь, поддоспешник нужен. То есть: либо на два пальца плотного войлока, либо набитая ватой стеганка. Летом в полном доспехе просто на месте стоишь – и то сдохнуть хочется. Зимой же ничего, тепло. С саблей пару часов попрыгать – только согреешься в свое удовольствие.

– Здрав будь, батюшка Андрей Васильевич, – поклонился дядька, непокорные лохмы которого на холоде встали дыбом, отчего голова княжеского воспитателя казалась шире его немаленьких плеч. Прочие холопы, кланяясь, торопливо сдергивали шапки.

– И вам крепкого здоровья, служивые, – окинул взглядом полтора десятка ратников Зверев. – Занимайтесь, на меня не смотрите.

– Ну че рты раззявили?! – моментально прикрикнул на отроков Пахом. – Щиты сомкнули, левое плечо вперед, товарища подпирай!

Холопов было мало. По разряду князь Сакульский должен был выводить в поход пятьдесят полностью снаряженных бойцов: на трех лошадях каждый, в железных доспехах и с оружием. Всего несколько месяцев назад у Андрея такой отряд и был. Как вернулись Илья с Изольдом из похода в порубежье с Казанью с полными карманами серебра – так со всех окрестностей молодежь потянулась к

князю на службу продаваться. Однако осенью из недолгого путешествия до реки Свияги живыми вернулись только половина удальцов, почти все – раненые, да еще и с пустыми руками. После этого добровольцев сильно поубавилось. И ничего не сделать – силой ведь смердов в холопы не забрешь. Чай, не двадцатый век, до военного призыва никто не додумался. Умирать на поле брани или нести тягло – каждый выбирает сам.

Колчан со стрелами висел на подрубленной почти у самого ствола ветке молодого вяза. Оперение тонких деревянных палочек походило

на крыло воробья, с которым полдня развлекалась сытая кошка. Лохматое, грязное, местами выдранное с мясом. Но лучше истрепать в хлам стрелы учебные, нежели испортить боевые, от которых иной раз жизнь зависит. Зверев снял колчан, повесил через плечо. Из своего достал лук, легкий кожух из бересты бросил под дерево, проверил тетиву – и тут же ощутил, как за спиной притихли холопы. Ожидали, как господин себя на стрельбище покажет. Попробуй теперь промахнись. Засмеять не посмеют, но шептаться за спиной начнут.

Андрей прикрыл глаза, сосредотачиваясь. И прицела на луке нет, и тяжелые стрелы не летят по прямой, и регуляторы напряжения на тетиве отсутствуют. Умение попадать в цель появляется только после долгих-долгих тренировок, когда после тысяч промахов и сотен попаданий руки сами привыкают оттягивать тетиву с нужной силой, пускать стрелу под нужным углом, учитывать дуновение ветра, влажность воздуха... Навык попадать из лука в цель хранится не в голове – он спрятан в теле. И самое трудное – это суметь отрешиться от того, что делают пальцы, руки, ноги, не позволить разуму вмешаться в работу слаженного, тренированного организма. Просто наметить цель – и не помешать себе ее поразить.

Князь коротко выдохнул, вскинул подбородок, глядя на белый иссеченный пенек в трех сотнях метров, рука метнулась к колчану, ловя черенок стрелы, тут же дернула его через левое предплечье на тетиву. Льняная нить легла в прорезь кольца, Андрей резко развел руки, тут же отпустил стрелу и многократно отработанным движением дернул из колчана следующую. Раз, раз, раз... Пятнадцать секунд – и полсотни белых палочек превратили пенек в нечто, похожее на ежика, усеяли землю за ним. На глазок – половина стрел впились в цель. Учитывая дистанцию – отличный результат! Робин Гуд повесился бы от зависти.

Холопы зашевелились, одобрительно загудели.

– Вам-то что до лука? – теперь уже снисходительно оглянулся на юных ратников Зверев. – Это баловство не про вашу честь. Пахом, из пищалей их стрелять научил?

– Прости, Андрей Васильевич, не успел, – приложив руку к груди, поклонился дядька. – Жалко зелье зазря жечь. Серебра немалого стоит.

– Жалко не жалко, а по паре раз пальнуть дай. Пусть знают, что это за оружие, каким местом за него братья нужно.

– Как скажешь, Андрей Васильевич. Сегодня же после обеда грохот и учиню. Мишутка, сбегай, стрелы князю принеси.

– Учিনি, – согласился Зверев.

Пищали плевались свинцовой картечью раза в два ближе, нежели летела стрела лука. Но зато их можно было выковать штук двадцать по цене одного не самого лучшего боевого лука, а стрелять из ружей и медведь дрессированный способен: дырку в стволе на врага направляешь да на спуск жмешь – вот и вся наука.

Князь Сакульский проводил взглядом низкорослого рыжего паренька, на котором обычная кольчуга свисала ниже колен. Мальчишка собрал стрелы, побежал назад, но на полпути перешел на шаг, явно задыхаясь.

– Вижу, ратники-то мои, Пахом, совсем к броне непривычны! – хмыкнул Зверев. – Вона, еле ноги под железом волочат.

– Дык, по осьмнадцать годков всего отрокам, княже! – вскинул руки дядька. – Не заматерели еще доспехи пудовые носить.

– В сече, Пахом, никто про лета спрашивать не станет, – отрезал Андрей. – Вырубят усталых в одночасье, и вся недолга. Чтобы с сего дня холопы брони с себя не снимали! Только на ночь, как в постель укладываться будут. Тренироваться, обедать, по хозяйству помогать – чтобы только в доспехах! Пока к кольчугам, как к коже своей, не привыкнут.

- Слушаю, княже. - Дядька недовольно набычился, но поклонился.

- Скажи, Пахом... А тебе сколько лет было, когда тебя батюшка впервые в сражение вывел?

- Пятнадцать, княже.

- Ну так чего же ты этих оболтусов жалеешь? Они уже сейчас тебя тогдашнего старше!

- Скажешь тоже, Андрей Васильевич, - зачесал в затылке холоп. - В наше время парни куда как крепче были, здоровее. Ныне же молодежь чахлая пошла, квелая. Того и гляди сломается под железом.

- На меня намекаешь? - прищурился Зверев.

- Как можно, княже?! - искренне испугался Пахом.

- Я, стало быть, не чахоточный, не квелый?

- Чур меня, Андрей Васильевич, - поспешно перекрестился дядька.

- Коли ты из меня воина сделать смог, Пахом, так и из них делай! Пусть жрут от пуза и спят по полсуток, но чтобы прочее время в доспехах бегали, пока скакать в них, как кузнечики, не научатся! Нет у меня других холопов, Пахом. Расти воинов из этих.

Зверев забрал у рыжеволосого Мишутки пучок стрел, сунул в колчан и снова повернулся к цели. Руки стремительно заработали, одну за другой переправляя стрелы в дальний пенек. Раз, раз, раз... Мимо ушло от силы с десятков выстрелов, остальные четко вонзились в цель. Вот что значит свое внимание от стрельбы отвлечь!

- Ну, Мишутка, чего застыл? - кивнул он рыжему холопу. - Беги. Тяжело в учении, легко в походе.

– Княже, княже! – выскочила на пустырь дворовая девка в накинутом поверх сарафана тулупе и в громадных валенках. – Батюшка, гонец у крыльца! Тебя требует!

– От кого?

– Не сказывает, – поклонилась девка. – Тебя самолично требует.

– Иду, – вздохнул Андрей, сменил колчан на плече и аккуратно спрятал лук. – Мишутка, быстрее ноги переставляй! Стрелы все едино собрать надобно. Вот бездельники! Пахом, помнишь, о чем я сказывал?

– Обижаешь, Андрей Васильевич! Все исполню в точности.

– Хорошо...

Нагоняя неуклюже ковыляющую в безразмерных валенках девку, князь обогнул дом, вышел к крыльцу. Здесь перед ступенями прохаживался узкоглазый татарин в рыжем малахее с беличьими наушами, в дорогом халате, крытом узорчатым китайским шелком. На боку у степняка болтались сабля и два ножа, а вот привычного чехла для ложки не было. Чуть поодаль двое нукеров в простых стеганых халатах и отороченных мехом мисюрках торопливо переседывали скакунов.

«Татары? Откуда? – промелькнуло у Зверева в голове. – Касимовские? Тверские? Казанские? Ногайцы? Или вообще крымские?»

Однако в любом случае здесь он был хозяином, а не воином, а потому приложил руку к груди и склонил голову:

– Здрав будь, боярин. Гость на порог – радость в дом. Прошу, заходи, выпей сбитеня с дороги, трапезу раздели, чем Бог послал...

– Благодарствую, княже. – Гость тоже приложил руку к груди, но поклонился ниже, всем телом. – Не сочти за обиду, Андрей Васильевич, однако зимний день короток, мне же непременно до Корелы поспеть надобно. Послание у меня для воеводы и бояр иных корельских.

- Дотемна не успеть, - предупредил Зверев. - Верст тридцать еще, не менее. Оставайся, боярин, отдохни, выспись, в бане попарься. На рассвете дальше тронешься.

- Благодарствую, княже, - повторился татарин, - однако же дал я клятву поспешать, насколько сил хватит. Лед на озере крепок, леса там нет, не заблудимся. Милостью Аллаха, хоть и в темноте, а сегодня поспею.

Он резко сунул руку за пазуху, выдернул тонкий, с карандаш, белый свиток и на двух раскрытых ладонях с поклоном протянул Андрею.

- Слово тебе прислано важное, княже. От кого оно, сказывать не велено.

- Спасибо, боярин, - принял грамоту Зверев.

- Да пребудет с тобой милость Аллаха, князь Андрей Васильевич, - с поклоном отступил гонец, побежал к лошади, ловко взметнулся в седло, и трое всадников, уводя в поводу шесть заводных коней, понеслись по утопанной дороге к верфи на берегу Ладоги.

Князь Сакульский хмыкнул, крутя в пальцах письмо, написанное на дорогой мелованной бумаге и доставленное знатным гонцом, однако не несущее на себе никаких печатей, поднялся на крыльцо. Распахнулась дверь, в сопровождении ключницы и поварихи на улицу вышла Полина: в дорогой шубе, в высоком кокошнике, с резным деревянным ковшом в руках.

- Спасибо, милая. - Зверев взял у нее корец, с удовольствием выпил до дна горячий, с пряным ароматом, медовый сбитень, вытряхнул последнюю каплю на доски.

- Это же гостю, с дороги, батюшка... - изумилась княгиня.

- Нету больше гостя. Умчался, - развел руками Андрей.

- Письмо? - заметила свиток женщина. - От кого?

- Не сказал. Пойдем в дом, не май месяц на улице.

Задумчиво крутя письмо в руках, князь поднялся в опочивальню, оставил колчан на столе у двери, после чего перешел в угловую светелку, где жена собиралась сделать для него кабинет – но пока, видно, не успела выписать из Франции положенную мебель. Здесь, у окна, он стянул со свитка ремешок, кинул на подоконник, развернул бумагу. Там красивым ровным почерком была начертана всего одна фраза: «Со дня святого Спиридона зима на мороз повертает, а солнце на тепло».

– О чем сие сказывает? – испуганно молвила за спиной княгиня. – От кого послание такое? Может, заклятие колдовское? Глянь, как странно начертано!

– Очень даже красиво написано, – усмехнулся Зверев. – Шаловливый мальчик.

– Кто?

– А кто у нас на Руси всю юность в библиотеке провел? Вот теперь книжник и шутит по случаю. Интеллектуал, елки-палки. Загадки, будто в сказке, загадывает, дитенька. А если бы я не понял?

– Да кто же это? – нетерпеливо дернула его за рукав жена.

– Царь, естественно.

– Государь наш Иоанн?! – перекрестилась женщина. – Как же ты его мальчишкой называть можешь? Он же, помню, ровесник твой! Ему ныне уж двадцать один год исполнился!

– Да? – Зверев пожал плечами. В его памяти царь Иоанн так и остался маленьким перепуганным мальчишкой, которого он с побратимами отбил от литовских убийц у соколиного поля. Неужели они и тогда были ровесниками? Трудно поверить. Может быть, потому, что он уже был в броне, с саблей и рогатиной, уже прошел через несколько смертных схваток? Ощувив на лице дыхание близкой смерти, взрослеешь быстро. Куда быстрее, нежели в библиотеке за старинными манускриптами.

– Но о чем послание сие куцее повествует? – любопытствовала Полина. – Ты понял его, батюшка?

– Прошлым летом я взялся построить крепость возле Казани, – сложил письмо вдвое Андрей и с силой пропустил сгиб между ногтями. – В день зимнего солнцестояния зима на мороз поворачивает, а солнце на лето. Иван напоминает мне об обещании. Через пару месяцев начнется ледоход. К этому времени я должен быть на месте.

– Свят, свят! – округлились глаза женщины. – У Казани безбожной? В самой смертной напасти? Тебя же убьют, соколик мой ясный! Убьют! Не ходи... Не езд, не оставляй, не покидай меня, родной, Господом Богом прошу! – Княгиня упала на колени. – Батюшка, Андрюшенька, родненький.

– Да ты чего, Полина? – Ошарашенный Зверев тоже опустился на колени. – Я же не в плен туда сдаюсь. С ратью идем, с людьми многими. И не воевать – строиться. На речном острове, в глухих лесах. Ни одна собака к нам не проберется. Ну же, милая. Что с тобой, любимая моя?

– Не хочу... – Женщина дернула прикрепленный к кокошнику платок, закрыла глаза. – Думала уж, навеки потеряла. Едва вернулся, едва слюбились, едва вместе стали – и снова... Не хочу. Не уходи. Не уходи, родной мой.

– Я вернусь, – обнял ее и прижал к себе Андрей. – Вернусь. Нет такой силы, что могла бы нас разлучить, суженая моя. Ни в этом мире, ни в иных местах. Я вернусь. Но ехать придется. Такая уж наша княжеская доля, Полинушка.

– Больным скажись, любый мой, немочным. Сердечко мое стучит, неладное чует. Не уходи!

– Не могу, любимая. Ты сама сделала меня князем Сакульским. В нашем роду не должно быть трусов. Человек, который боится пролить кровь за свою землю, не имеет права называться князем. Это уже смерд.

– Я тебя и простым смердом любить стану!

– Я знаю, Полинушка. Но простым смердом я буду недостоин твоей любви.

– Сердце колет, Андрюша. Предчувствие у меня дурное.

– Я дал слово, Полина. Я должен поставить эту чертову крепость! Хотя бы ради того, чтобы нашего сына никто не называл сыном лжеца. Это нужно мне, это нужно государю, это нужно людям русским, в конце концов! Я могу остановить татарские набеги, ты это понимаешь? Остановить напасть татарскую раз и навсегда! Могу, Полина! Неужели ты хочешь, чтобы эта честь досталась кому-то другому?

– Я хочу, чтобы ты оставался со мной... – опять повторила женщина. – Пусть весь мир рухнет – какое нам дело? Мы здесь от всех далеко, переживем. Оставайся...

Андрей вздрогнул: Полина даже не подозревала, насколько близко ее надежда совпадала с жутким пророчеством Лютобора: «Со всей Руси выживут лишь те, кто в непроходимых северных лесах окажется». Он отстранился и холодно произнес:

– Для того Господь и создал русских мужчин, чтобы кто-то не давал миру рухнуть. Я отъезжаю завтра на рассвете, со всеми здоровыми холопами. Вели приготовить лошадей. Отриконь пойдём, без обоза, иначе не обернуться. Припаса нам надобно на пять дней пути, сменное белье каждому. Ратное снаряжение Пахом соберет.

– Тогда я поеду с тобой!

Вместо ответа Андрей просто привлек ее к себе и крепко поцеловал в соленые губы. Полина в его руках обмякла – и смирилась.

* * *

Дружина князя Сакульского тронулась в путь через час после рассвета. Первыми, сверкая начищенными кольчугами, кюяками и колонтарями, придерживая у седла нацеленные в небо рогатины, с бердышами за спиной, на дорогу выехали холопы. Вслед продавшим волю ради ратной славы удальцам смотрели с тревогой отцы, махали, утирая слезы, многочисленные мамки и девки. Чай, все холопы свои были, здешние. У всех и родичи имелись, и друзья. А у иных уже и девки завелись. Было кому проводить.

Когда навьюченные заводные кони ушли с площади перед крыльцом, Андрей поцеловал жену последний раз, сбежал вниз, поднялся в седло, тронул пятками гнедого жеребца. Не удержался – оглянулся назад.

Полина не отрывала от него глаз, крепко вцепившись в перила.

Странно... Вроде ничего в ней за последние три года не изменилось. То же упитанное тело, те же маленькие глаза, игрушечный ротик и носик на большом лице, спрятанные под черный платок волосы. Именно такую девушку три года назад привез ему отец, боярин Василий Лисьин, сказав, что она станет женой Андрея. Ибо так он уговорился с князем Друцким, ибо это полезно для застарелой тяжбы и семейных дел, ибо так будет почетно для всего рода Лисьиных и будущих детей. Андрей пошел под венец, потому что так было нужно – и не искал ничего большего. Странно... Вроде ничего в ней не изменилось. Но теперь Полина казалась ему красивейшей из женщин. И он не поменял бы ее ни на кого на всем белом свете.

Зверев вскинул руку, после чего решительно дал шпоры коню и отпустил поводья, срываясь в стремительный галоп. Несколько минут – и крыльцо скрылось из глаз. Князь нагнал холопов, опередил их по краю дороги и помчался вперед. Перемахнув холм, на котором широко раскинулось ничем не огороженное Запорожское, Андрей углубился в лес и только здесь чуть подтянул поводья, давая знать гнедому, что можно замедлить шаг. Спустя мгновение рядом оказался Пахом, тоже перешел на рысь.

– Тяжко, Андрей Васильевич? Понимаю, тяжело. Вот гляжу я на тебя, иной раз и завидно становится счастью такому, самому хочется бабу ладную выбрать, детишками и хозяйством обзавестись, остепениться. Да токмо дело наше служивое, половина жизни в походах. Каково же это – с кровинушками родными расставаться? Помысли, что ни час, о них будут. За себя бояться начнешь, дабы сиротами их не оставить. Страшно, как бы без тебя чего не случилось. Помыслишь, погадаешь – да и махнешь рукой. Уж лучше вовсе ничего не иметь, нежели так маяться.

Дядьке, который двадцать лет назад принял из рук боярина совсем еще несмышленного младенца, чтобы не отходить от него ни на час всю оставшуюся жизнь, который научил барчука стрелять из лука, держаться в седле, рубиться саблей, который прикрывал его во всех битвах – дядьке позволялось многое. Поэтому Зверев не рассердился за такое панибратство со стороны старого

холопа, а лишь покачал головой:

– Что же ты об этом батюшке не сказал, когда он Полину для меня сватал? И не было бы у меня сейчас никаких проблем.

– Ты, княже, дело другое. На тебе род держится. Любо, не любо, а сыновей родить изволь, хозяйку для усадьбы приведи, дабы без тебя за имением доглядывала. Как же иначе? Что дозволено холопу, то боярину невместно.

– Вместно, невместно... Коли уж жить, лучше с любимой и желанной.

– А коли расставаться?

– Поговори у меня, Пахом. Вот возьму и женю! Что делать станешь?

– Не женишь, княже, – покачал головой дядька. – Зачем тебе такая морока? Мы люди ратные, каженный день под Богом ходим. Зачем тебе вдовы лишние и дети-сироты при хозяйстве? Холоп, он тем и хорош, что об нем слезы проливать некому, коли в сече сгинет. Один сгинет – другой в закуп придет. Как и не случилось ничего.

– Страшные вещи говоришь, Пахом. О живых людях ведь, не о барашках жертвенных. Вон, сзади скачут. Полтора десятка... Веселятся чему-то, оболтусы.

– Так не им сказываю, княже. Тебе о сем напоминаю. Хотелка у отроков наружу лезет, о девках только и мыслят. Выбирают. Так и ты помни, княже. Женатый холоп – уже не ратник. Коли живой – не о службе, о доме помнит. Коли мертвый – вся семья его обузой при хозяйстве становится. Баловать пусть балуют, от того, окромя пользы, никакого вреда. А жениться им нельзя, невместно. Как бы ты, княже, со счастием своим и других не захотел милостью одарить, любовь брачными узами укрепить. Не нужно этого холопам. Никак нельзя.

– Экий ты... прагматичный, – усмехнулся Зверев. – Может, в ключники тебя назначить? Или приказчиком...

– Не, княже, не согласен, – замотал головой Пахом. – Мое дело холопье: в драке не струсить да серебро вовремя пропивать. А про мой хлеб, мою одежду и дом пусть у боярина голова болит. На то он хозяин и есть.

– Умеешь устроиться, дядька.

– Мне горевать не о чем, княже. Добра не нажил, однако же радостей в судьбе моей куда боле случилось, нежели горестей. Коли стрела басурманская завтра догонит, рухлядь ведь все едино с собой не заберешь. А душа радостная – она легче. Прямиком в райские кущи и вознесется.

– Я тебе вознесусь! – погрозил ему пальцем Зверев. – А кто холопов молодых ратному делу учить станет? Девки дворовые?

– Ну коли не велишь, – пригладил голову Пахом, – тогда обожду. Куда ныне скачем, Андрей Васильевич?

– Государь о клятве осенней напомнил. Пора исполнять.

– В Москву, стало быть? Через Луки Великие поскачем?

– Луки? – не понял князь.

– Ну в усадьбу батюшкину завернем? – напомнил холоп. – Как всегда?

– В усадьбу? – Андрей прикусил губу.

Если для Пахома его частые поездки в имение бояр Лисьиных выглядели как встречи с родителями, то сам Зверев в первую очередь вспоминал про Лютобора – старого колдуна, затянувшего его в эту древнюю эпоху, но обещавшего вернуть обратно и даже поделившегося частью своих магических знаний. Скоро полнолуние. Значит, можно попытаться вернуться к себе, в двадцать первый век. В уютную квартирку, к компьютеру и телевизору, к теплому душу, мороженому и полной безопасности...

– В крохотную хрущовку, – тихо поправил сам себя князь, – в школьный класс, к маминим понуканиям и поролоновому матрацу.

Домой – это означало, что он больше никогда не увидит Полины, не достроит крепость у казанских стен, не остановит татарских набегов. Это означает, что уже никогда он не сможет назвать себя князем, скомандовать ратникам: «За мной!», что не сожмется сердце при виде несущихся навстречу наконечников татарских копий, не прокатится по жилам горячий жар, когда он прорвется сквозь смертоносные пики, когда насадит врага на рогатину, срубит саблей, собьет окантовкой щита, никогда не ощутит вкус победы, вкладывая оружие в ножны над поверженным ляхом.

Странно, но сейчас он не мог понять, что для него дороже: звание князя, которое обязывает ежегодно проходить через горнило порубежных схваток, – или та острая реальность смертных баталий, которая делает жизнь настоящей, ощутимой и которая даруется вместе со званием русского князя. Разве можно постичь такое, сидя за экраном компьютера и нажимая клавиши оптической мышки? То же самое, что секс по Интернету: безопасно, но совершенно бесчувственно.

– А в армию меня призовут рядовым, – почему-то произнес Зверев.

– Ты что-то сказал, княже?

– Не везет нам с отцовской усадьбой ныне, Пахом. Мне не просто в Москву попасть нужно. Сперва в Углич завернем. Узнаем, как стройка у нашего арабиста продвигается. Как бы он там вместо башен минаретов не нарубил, интеллигент персидский.

– Все едино через Новгород скакать.

– А на Руси все дороги к нему, Великому, и ведут.

Застоявшиеся в конюшне скакуны шли ходко, и еще засветло небольшой отряд пересек озеро, поднялся на добрых десять верст вверх по Волхову и остановился под стенами Ладоги, на постоялом дворе. Следующая передышка получилась в священном селе Грузино, где хранился посох святого Андрея Первозванного, и к полудню третьего дня всадники достигли Новгорода. Памятуя последние встречи с князем Старицким, Зверев решил не рисковать, обогнул город вдоль стен и вышел на московский зимник, чтобы заночевать в бронницкой слободе, в

пятнадцати верстах от первой столицы Руси. Утром, еще до рассвета, с трудом устояв перед соблазном прикупить что-нибудь из оружия, Андрей поднялся в седло и стал погонять лошадей, надеясь за один переход добраться до Вышнего Волочка. Не получилось – ночевали они в Валдае, в светелке с окнами на озеро. Озеро просторное – но совершенно лысое без знаменитого Иверского монастыря, до рождения которого оставалось еще больше ста лет.

Из Валдая путники выехали опять затемно – и затемно добрались до Волочка. То ли дорога оказалась длиннее, чем ожидал Андрей, то ли лошади начали сдавать и уже не выдерживали походной рыси со скоростью, всего вдвое превышающей темп торопливого пешехода. Очередной бросок закончился в Торжке, и только вечером на восьмой день пути они въехали в широкие ворота Твери, устав не меньше скакунов. Ничего удивительного – ведь в стремительной гонке одним рывком они смогли одолеть больше семисот километров! Обозы и ратные колонны двигаются на такие расстояния по месяцу, а то и долее. Правда, на почтовых можно пролететь и дня за три. А коли не спать – то и за полтора. Увы, князь Сакульский шел с припасами и дружиной и взять себе «почтовых» не мог. Не по карману удовольствие.

Однако почивать на успехах было рано. Дав людям хоть разок от души выспаться, в полдень Андрей снова двинулся в путь – теперь не по зимнику, а по гладкому льду Волги, наезженному едва ли не сильнее, чем московский тракт. Ночевали в деревне с забавным названием Крева – видимо, когда-то тут поселили польских пленников. Однако выглядели местные жители обычными славянами, говорили по-русски, а каменная церковь на высоком холме казалась привычным православным храмом.

Утром путники миновали небольшую крепостицу Ратмино, окруженную обширными палисадами, и повернули на северо-восток. Лошадей князь уже не погонял и остановился там, где всадников застали сумерки – в небольшой прибрежной деревеньке, – всего за два алтына убедив хозяев ближайшей избы оставить для путников весь дом. Семья ушла ночевать к родственникам, оставив для гостей годовалого барашка. Да только что такое полупудовый агнец для семнадцати человек? Плотно поужинали – и тронуться поутру пришлось на голодный желудок.

Ширина реки здесь составляла сажень пятьдесят – немногим менее ста метров. За прибрежным кустарником плотной черной стеной стоял сосновый лес. Вековые деревья в полтора-два обхвата с белыми шапками, заброшенными на

высоту девятиэтажного дома. Топор дровосека явно не появлялся в этих местах уже лет двести – и иногда Звереву даже казалось, что они заблудились. Однако лед реки был раскатан от края до края, ясно показывая, что за день тут проезжает не одна сотня телег, саней и всадников. Сейчас, правда, на Волге было пусто, словно проезжий люд попрятался по сторонам и ждал, пока князь Сакульский гордо прошествует мимо... А может, и правда ждали. Коли в глухом лесу видишь на пути немалый отряд ратников в полном вооружении – не грех дорогу-то и освободить. Поди разбери, что у этой оравы на уме? Чикнут ножом по горлу, сунут в сугроб, товары перегрузят – и ищи потом правду-матушку. Уж лучше не рисковать...

Углич открылся неожиданно. Тянулся, тянулся по сторонам глухой непролазный бор, потом встретилась излучина – и вдруг впереди, по берегам, на добрых две версты выросли черные дубовые стены со множеством двух-трехъярусных шестигранных башен. Река оказалась как бы в ущелье, под прицелом бесчисленного множества бойниц. Только сунься гость незванный – вмиг стрелами истыкают. Даже причалы стояли не под крепостными стенами, а по сторонам. Видать – чтобы под бревенчатый накат, в щель малую спрятаться никто не мог.

– Ни фиги себе, городок, – невольно охнул Зверев. – Больше Москвы! Как же я в прошлый раз этого не заметил?

Однако, когда путники подъехали ближе, стало ясно, что первое впечатление было обманчивым. При взгляде вдоль реки сливались в одно целое мощные укрепления монастыря, что стоял от Углича примерно за версту вверх по течению, и еще одного, ощетинившегося пушечными стволами святилища, построенного верстой ниже. Тем не менее город своими размерами мало уступал Новгороду и явно превосходил Великие Луки. Тысяч двадцать населения здесь проживало точно. А может – и больше. Оценил Зверев и продуманную систему обороны. Город был деревянным, зато монастыри вокруг него – каменными. И окружали они Углич со всех сторон, отстоя от стен и друг от друга примерно на версту. Пока хотя бы две обители не захватишь – к городу не подобраться, в спину и с флангов расстреляют. А это – время, силы, немалая лишняя кровь. Так ведь и Углич потом тоже так просто не сдастся... Поневоле задумаешься: а нужна ль тебе такая кусачая добыча?

– Гляньте, там еще город выстроили! – указал на левый берег Мишутка. – Вона, на излучине белеет!

И правда, за городом, в низине, наверняка заливаемой в половодье, гордо возвышала влажные белые стены могучая крепость – размерами превышающая Московский кремль, но с большим числом башен, причем каждая имела сразу две площадки для стрелков и бойницы для подошвенной стрельбы.

– Не может быть! – Зверев дал шпоры гнедому, стремительным галопом промчался меж угличских стен, вылетел на наволок, спешил перед поставленными на чурбаки воротами, нырнул под них, шагнул в обширный двор крепости, разбрасывая сапогами слой опилок и стружки, доходящий почти до колен и ядовито пахнувший свежесваренным дегтем. Здесь было почти пусто – на огромном пространстве виднелся только двухшатровый храм, еще не имеющий кровли и нескольких венцов звонницы. Однако там деловито копошились мастера, постукивая топорами и ширкая скобелями. Еще с полсотни плотников что-то доделывали на башнях и стенах, весело перекрикивались, затаскивали вверх окоренные блестящие бревна. – Ч-черт, не может быть! Он его все-таки построил! Возвел новый город, шельмец!

Нет, князь Сакульский знал, что боярин Выродков за зиму крепость отстроить обещал. Знал, что у того в достатке и золота, и леса, и мастеров в многолюдном Угличе. Знал, что сделать все это можно. И все же одно дело знать, и совсем другое – увидеть готовую махину воочию. Два с половиной километра стен, три десятка башен, двое ворот, церковь...

– Невероятно... Он это сделал! Сделал!

Андрей еще несколько раз повернулся вокруг своей оси, осматривая огромное сооружение, потом быстрым шагом направился к церкви:

– Ау, мужики! Боярина Иван Григорьевича кто-нибудь видел?

– Как же без него, мил человек? – отозвались сверху. – Вона, на Тайницкой башне с Тетеркиной артелью речи ведет.

Топор указал на дальнюю от ворот угловую башню. Зверев повернул туда, увязая в опилках.

– Великий Боже, их, наверное, и через пятьсот лет археологи еще раскапывать будут...

– Андрей Васильевич, ты ли это? – раскрыл ему объятия мужичок с кудрявой бородкой, коричневыми смоляными пятнами на лысине, в армяке на голое тело и в подшитых тонкой кожей валенках.

– А-а... – в первый миг не узнал боярина Зверев. – Иван Григорьевич, не может быть! Ты перестал брить бороду?

– А ты перестал брить волосы, княже!

Они рассмеялись, крепко обнялись, и Андрей на радостях даже расцеловал работающего арабиста.

– Я поражен, боярин. Просто поражен! Крепость готова, вся – хоть сейчас в осаду садись! Ты просто гений, Иван Григорьевич.

– Ну бревна рубить – это не валуны укладывать, – тут же кольнул русские обычаи путешественник, – только таскать успевай и одно на другое накатывай.

– А отчего у тебя, боярин, половина стен на земле лежит, а половина на подпорки поставлена?

– По размерам, княже, сделано. Как на острове, что ты выбрал, берег идет, так и стены выгибаются.

– И совпадет?

– Я за то, Андрей Васильевич, – развернул плечи строитель, – я за то именем своим поручиться готов! Нешто зря я три года с лучшими из арабских мудрецов речи вел, древнейшие трактаты изучал, чтобы в таком пустяке ошибиться?

– Я бы ошибся, – примирительно признал Зверев. – От казны царской что-нибудь осталось?

– Какое осталось? – поморщился Выродков. – Пришлось бегать, в долг спрашивать. Боярин Поливанов, Константин Дмитриевич, двести гривен дал ради государева дела. Я поручился, что ему возвернут все до ледохода, и артельщикам я ныне еще столько же недоплатил. Недовольны они, но топоры пока не побросали. У тебя серебро с собой есть? Надо бы отсыпать смердам немного, бо не закончим в срок. Балясины на пяти башнях развесить надобно, храм закончить, отбойники вдоль стен срубить, сходни, привесы у задних ходов... Спросил я тут у стариков. Сказывают, до конца марта ледоход завсегда случается, до апреля Волга не ждет. Стало быть, три седмицы у нас осталось, не более. А там вода пойдет. Ледоход, половодье.

– Уже март... – прикусил губу Зверев. – Тут дороги такие, что по полмесяца в один конец скачешь.

– Плохие?

– Длинные! – Андрей поднял глаза к небу. – Три недели, говоришь? А до Москвы дня четыре пути, не меньше. Проклятие! Не судьба нам с тобой пива выпить, Иван Григорьевич. Пожалуй, холопов на постоянный двор определю, пообедаю, да и опять помчусь. Глядишь, полдня выгадаю. Четыре туда, четыре обратно, день там... Неделя с лишним долой.

– Стало быть, серебра у тебя нет?

– Извини, Иван Григорьевич. Думал, наоборот, лишка останется. А оно... вот оно как... Но ты не беспокойся, привезу. На крайний случай у меня и свой заглашник имеется. Только вот что. Лошади у меня почти полмесяца под седлом, еле ноги волокут. Может, шестерых скакунов подменишь?

Оставив холопов на том же постоялом дворе, где обосновался боярин Выродков, Зверев наскоро перекусил и вместе с верным Пахомом опять двинулся в дорогу. Первый отдых князь позволил себе только на семнадцатый день пути, на подворье боярина Ивана Кошкина. Сходил в баню с хозяином – все же встреча с царем предстояла! Заодно и пивка под белорыбицу употребили. В бане студеное пиво из ледника всегда хорошо идет.

Правитель принял гостя в скромной светелке на самом верху великокняжеского дворца. За два года своего царствования Иоанн Васильевич возмужал, стал

выше ростом, шире в плечах, на губах пробился пушок темных усов, на подбородке обозначилась пока еще редкая бородка. В остальном все оставалось по-прежнему: монашеская ряса, пюпитр с раскрытой книгой, два канделябра по пять свечей, заваленный свитками сундук у самого окна, Сильвестр и боярин Адашев, прилежно скрипящие перьями в соседних горницах. Помощники, умом не блещущие¹, но работающие и исполнительные.

– Вижу, завала челобитных здесь больше нет, государь? – поклонился Зверев.

– Да, – улыбнулся его царственный ровесник, – мысль твоя, княже, оказалась весьма удачной. Ныне я замыслил тем же путем от хлопот с кормлениями избавиться. Вечно все ими недовольны. Одни бояре жалуются, что на бедные места их сажают, другие – что не сажают вовсе, третьи уже на наместников доносы строчат, дьяки и подьячие мзду со служилого люда вымогают, иначе на богатый уезд не отписывают... Беда. Что ни год, на каждого воеводу по полста челобитных пишется. Вот и замыслил я эту напасть обрубить одним разом. Со следующего года не стану никаких воевод назначать вовсе. Пусть по уездам бояре сами себе наместника выбирают, сами и снимают, коли чем не люб окажется. А смерды себе земских старост выбирать станут.

– Поместное самоуправление? – вскинул брови Андрей. – А что, хорошая мысль. Главное, чтобы у таких «губернаторов» не появилось желания сделать еще шаг и подумать о независимости.

– Я укажу при вступлении каждому крест на верность государю и России целовать...

Судя по всему, в Иоанне все еще сохранялась наивная вера в то, что честное слово может быть крепче железной цепи. И это – в политике!

– Я пришел сказать, государь, что крепость готова, – вернулся к главному вопросу Андрей. – Ныне же после ледохода ее можно сплавлять к Казани.

– Я так и думал, Андрей Васильевич, – спокойно кивнул государь. – На твое слово можно положиться.

– К сожалению, государь, нам не хватило серебра, что ты выдал нам со всей своей щедростью. Ныне надобно еще артельщикам уплатить, и двести гривен

боярин Поливанов в долг на строительство дал.

– Поливанов? – прищурился царь. – Константин Дмитриевич? Потомок боярина Михаила Поливана, правнука Кочева, что из Орды к пра-прадеду моему Дмитрию Донскому на службу выехал? Да, достойный род, достойные потомки. Ты к нему присмотришь, княже. Коли в деле себя хорошо покажет, отчего бы его и не выделить? Рвение к делам государевым надобно поощрять.

– Я призову его твоим именем, государь, – кивнул Андрей. – Воины мне понадобятся. И не только они. Еще много, очень много чего. Для крепости нужны пушки и пушкарки, порох, ядра и жребий. Нужны плотники – собирать стены на новом месте, нужны ладьи, чтобы перевезти все это, нужны припасы, чтобы кормить людей. Нужно оружие, сено и зерно для коней, еда в запас, лекарства и лекари. Если мы желаем построить военную базу, в ней должно хватать припаса для полноценной армии хотя бы на два-три месяца. Шестидесят тысяч человек должны не просто пересидеть опасность впроголодь, они должны сохранить силы для сокрушительного удара, едва только настанет подходящий момент.

– Шестидесят тысяч? – вскинул голову Иоанн. – Откуда ты исчислил такую рать? Вестимо, у нас на Руси всех бояр с холопами коли собрать – и то столько ратников не наберется. Ан ведь на службу воины не постоянно, а вокруг выходят. Половина в походе, половина уделом своим занимается. Опять же порубежье пустым не оставишь, враз охотники набегут беззащитные селения разграбить. Мыслью, зараз под руку больше двадцати тысяч бояр собрать не получится. Коли рубежи оголить, то и тридцать. Но никак не более.

– Купцы сказывают, в Казани и окрест нее татар под копьем двадцать тысяч воинов. Иногда чуть больше, иногда поменьше. Кочуют.

– Вот видишь! – обрадовался правитель. – Их двадцать, нас двадцать. Одолеем!

– И будет, как всегда...

– Что «как всегда»?

– Не первый раз Москва с Казанью воюет, государь. Не первый раз их побеждает. Но неизменно, едва время первое проходит, казанцы забывают свои клятвы о дружбе и мире и снова приходят грабить наши земли, угоняют наших людей в

рабство. Не побеждать нужно Казань, Иоанн Васильевич. Не побеждать, а покорять. Чтобы грабежи татарские не повторялись более никогда.

– К чему ты клонишь, Андрей Васильевич?

– Тебя когда-нибудь кусали комары, государь?

– Ты, княже, – рассмеялся правитель, – святым подвижником меня считаешь, коего и комары не кусают, и зверь дикий не трогает?

– Когда ты комара убиваешь, государь, разве примериваешь ты силу свою, чтобы зря лишку не потратить? Или так бьешь, чтобы уж точно ничего не осталось?

– Бью...

– Так и здесь, Иоанн Васильевич, бить надобно не с осторожностью, а наотмашь, сколько мочи есть. Чтобы после этого удара всех врагов твоих в лепешку расплющило, чтобы уж точно никто и никогда более на Русь меча поднять не посмел. Так, чтобы никаких сомнений не осталось в твоей силе, в твоей победе. Чтобы никакая хитрость и никакая помощь Казани уже не помогла, как бы разбойничье племя ни старалось.

– Яснее сказывай, княже. К чему речи ведешь?

– Удар должен быть крепким и сокрушительным. Нестерпимым для ханства Казанского. Посему надобно не просто силы собрать, а такие силы, которые раза в три мощь татарскую превысят. Пятьдесят-шестьдесят тысяч ратных людей, никак не менее. Дабы ни малейшей надежды у врага не оставить. Потом, государь, ведомо мне, в поход бояре со своим припасом выступают. Иной раз такое случается, что не хватает в рати провизии для долгого похода, и оттого приходится распускать ополчение. Отправлять воинов по домам или в иные места, где они могут запасы пополнить. Война на это время, считай, прекращается, враг отдыхает и сил набирается. Нельзя нам такого конфуза допустить. Значит, позаботиться о припасах придется казне. Чтобы по своему недомыслию ратники голодными не оказались, домой проситься не начали.

– Накладно сие. Но разумно.

– Чтобы поход оказался стремительным и победным, его загодя подготовить надобно, продумать все до малейших деталей. Не просто созвать людей и направить вниз по Волге, а каждый шаг их заблаговременно просчитать. Помнишь напасть, коя в битве под Оршей случилась?1 Бояре Голица и Челядин, что полками правой и левой руки командовали, промеж собой из-за старшинства разругались, и как битва началась, Челядин помогать крылу своего же русского войска из-за обиды не стал, позволил полякам Голицу разгромить, а потом его уже одного поляки доби́ли. В итоге и кровь русскую зазря пролили, и сами в полон попали, и для всего государства позор получился: жалким ляхам битву проиграли! Но и нам урок: нельзя допустить в одном деле воевод, друг друга ненавидящих. Посему для похода требуется подобрать только тех бояр, что к дрязгам меж собой несклонны, и тебе преданы, и приказы сполнять станут без ссылок на чужие и свои родословные. Прямо сейчас нужно выбрать воевод самых доверенных, самых умных и опытных. Элиту. А тех, что в общий строй не годятся – аккурат по порубежью и разослать. Пусть заслоны на границах обеспечат.

– Вижу, ты и впрямь все продумал, Андрей Васильевич, – после короткой заминки кивнул юный правитель России. – Слова твои убеждают. Крепость... припасы... Рать слитная и крепкая... Коли по твоим планам поступать, то я прямо сейчас за успех похода поручусь. Не по обычаю все делаешь, однако же знаючи. И все же... И все же нет у меня для тебя пятидесяти тысяч ратников. Хоть все книги разрядные перешерсти, разом столько воинов на Руси не собрать.

– Можно нанять, – пожал плечами Зверев. – Европа рядом. Там нищета такая, что волосы дыбом встают. За пару стоптанных сапог зарежут не поморщась. С голодухи даже дворяне дроздов и жаворонков жрут, а то и вовсе лягушек с улитками, простой люд супом из лука питается. За несколько алтын они станут служить, как цепные псы – только покажи, кого кусать. Опять же свободных людей у нас в городах хватает, иные храбры и достойны. Отчего же охотников государю послужить в полки не позвать? Отнестись к ним с уважением, как к боярам: землей под пахоту и огород надели, за службу приплачивай... И вперед – пусть свое право на жизнь без тягла в бою подтверждают.

– Что проку от смердов в сече, Андрей Васильевич? Рази сам не знаешь? Тебя, вон, с младых ногтей и к луку, и к сабле, и к рогатине приучали. А они? Разве топором баловать умеют да кистенем исподтишка ударят.

– Времена меняются... – покачал головой Зверев. – Я тут придумал холопов бердышом вооружать. Штука это удобная, ворогам нашим пока неведомая. За пару недель любого можно натаскать им работать. И коли потом лениться не будет, за себя супротив всякого противника сможет постоять. Опять же пищальному бою с детства учить не нужно. За два часа кому хочешь объясню, куда порох сыпать, как его прибывать. Лучника такой боец не заменит, всего раз в полчаса стреляет. Но в каждом выстреле – по восемь-десять пуль. Дружный залп с близкого расстояния половину атакующей конницы скосит. Я в битве при Острове успел попробовать.

– Зело странные вещи сказываешь, княже... – Царь всея Руси задумчиво почесал себя за ухом. – Трудно в сии чудеса поверить. Чтобы лапотник простой – да с боярином родовитым на равных в битве сражался... Однако же... Однако же предыдущий твой совет тоже странен был, ан помог преизрядно. Коли попробовать испытать в деле один полк, вреда большого не случится. Убедил, Андрей Васильевич, быть посему. Велю кликнуть охотников до ратного дела, огненным манером сражаться. Что же до наемников иноземных... Дорогое сие баловство получится.

– Больше ста лет люд русский от казанской напасти плачет, – напомнил Зверев. – Лучше раз напрячься, потратиться, подготовиться, но кровососа прибить. Не то из-за мелкой экономии слабо комара прихлопнешь. Уцелеет, отлежится, оклемается – опять ведь за старое возьмется.

– Да, княже. Вижу, всерьез ты решился казну мою растрясти, – прикусил губу Иоанн, зачем-то перелистнул пару страниц лежавшей на пюпитре книги. – Однако же, начавши путь, бросать его нельзя. Плох не тот правитель, который благих дел не затевает, а тот, который начатые до конца не доводит. Ты получишь золото, потребное для окончания работы и покупки припасов. Воеводе угличскому с тобой письмо пошлю, пусть даст тебе нужное число тюфяков и пищалей, заряд к ним полный. Город мастеровой, себе еще пушек отольет. Но ты за все уплати сполна. Наемников же иноземных... Коли ты отправляешься к Казани, кто станет воинов в закатных странах нанимать?

– У князя Друцкого, – тут же вспомнил тестя Андрей, – в Европе родичей множество, бывает он там часто, дела ведет. Кому как не ему это дело поручить?

– Я подумаю, княже, – степенно кивнул правитель. – Ступай, отдохни с дороги. Как грамоты и деньги готовы будут, за тобой пришлют. Где твой дом в Москве?

– На подворье дьяка Кошкина я остановился, Иоанн Васильевич, – отступая, поклонился Андрей.

– Коли так, ему и искать проще будет... А что за луковый суп ты помянул? Это из чего он делается? Неужели...

– А-а, суп? Так я знаю, читал в инете. Берется лук, обычный репчатый, чистится. Из шелухи варится бульон, а сами головки мелко режутся, для вкуса обжариваются, для сытости мука добавляется, потом все это в бульон...

– Тьфу, прости Господи, – не выдержал Иоанн и перекрестился. – Как они там живут-то? У нас всякое случалось, но до такого, вестимо, не доходило. Может, они еще и ворон варят?

– Насчет ворон не знаю. А ракушки по берегам моря собирают и сырыми с уксусом...

– Всё!!! – Правителя всего аж передернуло. – Ступай!

Ждать ответа пришлось три дня. Государь отсыпал от щедрот своих всего пять тысяч гривен серебра, но зато отдельной грамотой позволил князю Сакульскому пользоваться казной Углича невозбранно, а также забирать для своих нужд оружие из городских запасов и исполчать людей. Это было не совсем то, о чем они договаривались при встрече – но вполне достаточно для продолжения работ.

Когда Андрей мчался вниз по Волге, солнце уже начало припекать по-весеннему, а многие сугробы предательски потемнели и осели на южный бок, обрастая ледяными иголками. Весна наступала на пятки – а сделать предстояло еще очень, очень много.

В Угличе Зверев первым делом вернул долг боярину Поливанову – веснушчатому рыжеволосому пареньку немногим старше Андрея. Вернул – и тут же государевым именем приказал добыть к началу ледохода ладей, ушкуев, лодок,

барж, чего угодно, но на полтысячи человек, и воинский припас для большой крепости. Константин Дмитриевич, тут же поцеловав нательный крест, поклялся обеспечить все в точности. Артельные, получив обещанную плату, принялись разбирать крепость с такой же активностью, с какой еще недавно ее строили, номеруя бревна и увязывая их в трехслойные плоты.

Труднее всего пришлось с воеводой. Через слово вознося молитвы во здравие государя, он постоянно забывал отсыпать серебро по данным Андреем распискам, вместо длинноствольных пищалей пытался всучить коротенькие тюфяки времен Тохтамыша, порох вместо перекрученного норовил выкатить лежалый, в наряд вместо опытных пушкарей отписал едва обученных мальчишек. Звереву понадобилось лично ходить и все контролировать, прощупывать каждый ствол, лазить в каждую бочку, перебирать пальцами картечь, проверять, подходят ли вымученные от воеводы ядра к пищалям по калибру. Пушки ведь, бестии, все штучными экземплярами оказались – и снаряды тоже требовались для каждого орудия свои. Князь, не князь – но в огнестрелах лучше Зверева никто не разобрался, и перепоручить кому-либо это дело Андрей не мог. Все сам, сам, сам...

Двадцать пятого марта, в день святого Феофана, жители ближних к Волге домов проснулись на рассвете от оглушительного, раскатистого треска, словно бегущего из стороны в сторону по реке. Накинув на плечи овчины, тулупы и зипуны, люди высыпали на улицу, вглядываясь в стелящийся над самой землей туман.

– Славный ныне год будет, – сказал кто-то недалеко от Андрея. – Коли на Феофана с утра туман, быть по осени хорошему урожаю.

– Хороший будет год, – согласился с ним князь и, как был, в сапогах и налатнике на голое тело, сбежал вниз по пологому склону, присел у кромки льда. Здесь, возле берега, ничего еще не изменилось, но дальше, в пяти-шести шагах, сквозь туман уже различалось слабое равномерное движение. Лед тронулся. Зверев выпрямился и коротко выдохнул, неожиданно для самого себя перекрестившись: – Вот и все. Началось.

Основная масса льда скатывалась первые пять дней. Вода все это время в Волге не повышалась, а потому нанятые боярином Поливановым корабельщики смогли спокойно опустить в выпиленные у причалов, в береговом припае, проруби семь ушкуев и две огромные лады, по десяти сажен длины в каждой, пяти сажен

ширины и высотой с двухэтажный дом. Ладьи, пожалуй, могли принять столько же груза, сколько все ушкуи вместе взятые, но... Но уж больно крупные и неуклюжие это были корабли для вертявых лесных рек. Выше Волги пути для них не имелось.

Два дня спускали на воду перезимовавшие суда, еще три ушло на их погрузку. Под тяжестью пушек, картечи и прочих припасов корабли глубоко осели в воду. Ладьи из двухэтажных величественных махин превратились в украшенные мачтами погреба, ушкуи и вовсе выглядывали над поверхностью всего на половину сажени. Тридцатого марта – в день, когда половина горожан отправились в лебяжью слободу на гусиные бои, – боярин Поливанов постучался в светелку Зверева на постоялом дворе.

– Прости, княже, коли отвлекаю, но пора и тебе на ладью переходить. Снаряжение все погружено, лошадей твоих я повелел пока в имение свое, в Залубки, отправить. Скакуны нам теперь не скоро понадобятся. Коли дозволишь, велю холопам добро твое грузить.

– Уже? – удивился Андрей. – Я думал, еще суда будут. У нас одних мастеровых три с половиной сотни. На двух ладьях и семи ушкуях столько народу не разместить.

– И не нужно, княже. Они себе шалаши на плотках поставили и палатки, дров и хвороста натаскали. Мастеровым на плотках просторнее, а казне тяготы меньше. Пивом согрываются, песни поют, ждут, когда вода поднимется. Как бы нам этого часа не упустить.

– Отлично... – Андрей вглядывался в лицо боярина, пытаюсь найти черты тех монгольских воителей, из которых, если верить царю, вышел род Поливановых, но ничего заметить не мог. Обычный русский парень, такой же, как и тысячи других по долам и весям бескрайней Руси. – Коли так, то пойдём. Куда ты меня поселишь?

– Я на одной ладье пойду, княже, с боярином Выродковым. А ты на другой, княжеской.

– Давай сделаем иначе. Я с Иваном Григорьевичем поплыву на одной ладье, впереди. Потому как я место знаю, а ему сразу за дело придется браться. Ты же

замыкающим пойдешь. Чтобы увидеть, коли какой из плотов или ушкуев отстанет.

– Воля твоя, Андрей Васильевич, – поклонился боярин. – Исполню в точности.

Половодье князь Сакульский проспал. Укладывался он, когда Волга, почти освободившаяся ото льда, едва-едва лизала нижние бревна крайнего плота, а когда встал и вышел на палубу – оказалось, что берега уже уплывают назад, ладья под поставленным под углом к килю парусом режет волну и откидывает в стороны редкие зеленоватые льдины, позади же, на толстом, с руку, пеньковом канате тянется длинная лента белых плотов, на которых тут и там темнеют треугольники шалашей и вьются ввысь сизые дымы от костров. Плоты были увязаны вместе по два-три десятка, каждая такая партия влеклась отдельным кораблем. Не для скорости, естественно, а для некоторой управляемости. А то ведь течение запросто может и на отмель выбросить, и в чащобу занести. Половодье ниже Углича не превращало реку в необозримое море, как это было возле Новгорода, за Великими Луками или под Псковом. Здесь вода уходила под деревья, и русло, как и летом, извивалось между тесными сосновыми стенами.

Насколько расползлась череда плотов, стало понятно только через три дня, когда караван миновал Усть-Шексну, и Волга, приняв в себя Шексну, Мологу и Суду, повернула на юг. Берега расступились почти на версту, русло спрямилось. Развернулся и караван, вытянувшись до самого горизонта. Однако сизые дымки выдавали обитаемые плоты, и Андрей на глазок прикинул, что ведет за собой почти десять километров бревен! Хотя не удивительно: ведь он вез к Казани целый город. Погружаясь в волны, расталкивая последние льдины, пугая рыб, за ладьей плыли башни, ворота, стены, крыши, лестницы, помосты, церковь с куполами и звонницей – пускай пока и без колоколов.

Весенний разлив и несколько полноводных рек разогнали течение Волги до скорости спешащего на ужин холопа, а потому к Ярославлю караван поспел уже через день и ровно в полдень бесшумно проскользил под белокаменными стенами. Андрею показалось, что их вовсе не заметили – всю многокилометровую махину. В Костроме же, несмотря на ранний час – едва-едва после рассвета, – по берегам собралась изрядная толпа. Люди махали руками, что-то кричали, детишки подпрыгивали и бежали вдоль берега, обгоняя плоты. А вот знаменитая Кинешма оказалась всего лишь небольшой рубленой крепостицей, окруженной полусотней крестьянских изб. Зато Юрьеvec, охранявший устье Унжи, выглядел крупным городом. Не Углич и не Ярославль,

конечно, но Острову или Кореле легко мог дать фору. Крепость в нем была деревянной, но башни и южные ворота, выходящие к Волге, сложили из камня, и выглядели они совсем новенькими. Похоже, город потихоньку укреплялся и вскоре мог бы сравняться мощью даже с древней Ладогой.

Через три дня караван наконец-то миновал Нижний Новгород – могучую крепость из темно-красного кирпича, мрачно взирающую на реку с высокого берега, – прошел устье Оки и попал на земли, которые можно было отнести к «спорным». До самой дальней русской крепости, Васильсурска оставалось еще сто верст. Воевать эту твердыню татары опасались, но считали, что она находится на их земле, и время от времени требовали скрыть. А уж дальше еще на полтора верст и вовсе шли просторы Казанского ханства.

Волга была пустынной: в это время, когда еще катится вниз по течению немало запоздалых льдин, а также поднятого половодьем мусора, мало кто из купцов рискнет отправиться в дорогу. Поймаешь в борт этакий «подарочек» – и все, не станет у тебя корабля. Это Андрея в путь нужда погнала – половодье город с отмели само сняло, без лишних хлопот. Да и не бывает в ратном деле без потерь, с ними заранее смиряешься. Рыба, как обычно во время разлива, ушла из холодного русла на мелководье, чтобы порыться среди прошлогодней травы, в лесной подстилке: где гусеницу добудет, где жучок всплывет, а где и замерзшая мышка из-под снега вытает – после долгой зимы все сгодится пустое брюхо набить. Вслед за рыбой и рыбаки попрятались по затонам и заводям. Сторожевых крепостей у татар вверх по реке не имелось. А если где и бродили дозорные – так их тоже половодье разогнало далеко по сторонам. Поэтому, как ни странно, огромный, многокилометровый караван добрался до места своего назначения незамеченным.

Двадцатого апреля тысяча пятьсот пятьдесят первого года от Рождества Христова ладья князя Сакульского первая ткнулась носом в глинистый берег острова в устье широко разлившейся Свяги. Андрей, не убоясь высоты, спрыгнул наружу, ткнулся губами в грязь и решительно рубанул рукой воздух:

– Назло надменному соседу здесь будет город заложен... – Не ново, но ничего другого в голову не пришло. – Высаживаемся, мужики! Здесь отныне наша земля!

В полукилометре выше по реке, на далеком хвосте связки из плотов мастеровые уже сбрасывали якоря, чтобы их не развернуло поперек течения, рядом

пристраивался ушкой с новой связкой.

– Иван Григорьевич, боярин! – закричал снизу Зверев. – Принимай команду над строителями. А я пока обороной займусь! Пахом, пищали на берег! На тот край острова и с этой стороны по пять человек! Все неприятности всегда случаются не вовремя. Не дай Бог, именно сейчас татары появятся. Поставим охрану – займемся пушками.

Андрей никогда не слышал, чтобы у татар имелось нечто вроде морской пехоты. Степняки не воют «с воды», это не их повадки. Но сейчас, в половодье, другого пути на остров просто не существовало. Брод через ручеек, заболоченная низина за ним останутся непроходимыми еще не меньше месяца. Есть на Руси такое понятие: распутица. Иные тракты до середины лета не просыхают.

– Десяток пушек, и с Волги сюда тоже ни одна лодка не подберется, – пробормотал Зверев. – Не психи же они под ядра лезть? Подавить же нас просто нечем. Помнится, про кораблики с артиллерией на Волге никто и никогда не упоминал. Если дожди организовать, то и до середины лета дотянуть можно. Лишь бы Выродков крепость успел к этому времени хоть как-то обозначить, чтобы укрытия были. Позиция тут хорошая, удержимся.

Корабельщики сбросили вниз сходни, спустились, колышками закрепляя край на берегу. Пахом пропал – видно, выяснял, в какой угол трюма холопы запихнули пищали. Андрей махнул рукой и уже знакомой дорогой двинулся вдоль берега по обозначенной подорожником тропинке. Вдоль оврага наверх, на плоскую вершину острова, обросшую соснами и черными елями. Остановившись возле одного из вкопанных в землю шестов, князь воровато оглянулся, снял лошадиный череп, отнес немного в сторону, опустил на ковер заячьей капусты.

Череп на шесте – это капище. Череп в траве – безобидная костяшка. Зачем зря смердов пугать? Пусть работают, не тревожась по пустякам.

Он отер руки и двинулся дальше, к центру. Вскоре перед гостем открылась овальная поляна, огороженная все теми же смертоносными для лошадей шестами. Трава росла здесь мягкая и низкая, никем не потоптанная; она светилась под ярким солнцем изумрудным сиянием и казалась сказочной, ненастоящей. На поляне росли всего три дерева: две небольшие березки и могучий раскидистый дуб. Березки стояли чуть ближе, и между ними

возвышался на полтора человеческих роста черный резной трехгранный столб. Сверху на нем теснились какие-то женщины с рогами и с кольцом в руках, внушительные мужи с мечами и на конях, осеняемые солнцем. В средней части водили общий хоровод мужчины и женщины, ниже стоял коленапреклоненный человек, вырезанный на одной грани лицом ко входу, а на двух других – в профиль.

Медленно пройдя по кругу, Андрей поснимал черепа, спрятал подальше, после чего вернулся в самый центр и опустился на колени.

– Здравствуй, могучий Чемень. Прошлый раз я просил у тебя милости и покровительства. Ныне предлагаю свою силу для покоя этих земель. Я, внук Сварога, дитя Дажбога, я, человек русского рода, пришел сюда с миром и добром. Мы, русские люди, привыкли защищать мир наш от зла закатного, зла южного и зла восточного. Мы, русские люди, привыкли жить по законам справедливости. Мы, русские люди, привыкли уважать любые племена, что приняли от нас руку дружбы, и считаем их не рабами, а равными себе. Мы, русские люди, пришли сюда, чтобы защищать, а не карать, чтобы любить, а не ненавидеть. Я клянусь тебе, хранитель земель здешних, что мы станем оберегать сей край, как отчий удел. Что примем людей твоих как братьев и защищать их станем, как родных своих. Что не будем принуждать их ни обычаям, ни вере, ни языкам своим, а примем такими, каковые они есть. Что станем защищать невинных и карать злодеев, думая не о родах и племени, а единственно о справедливости, считая всех равными среди равных. Силой своей, волей своей, верой своей будем мы защищать твою землю и твоих детей от злого глаза, злого умысла, от злого слова и злых людей. Не допустим сюда ворога ни с оружием, ни с ядом, ни с черным колдовством. Клянусь тебе в этом, могучий Чемень, хранитель здешних земель, отец черемисского народа. Клянусь не пожалеть крови своей для земли здешней, и да примет она меня как сына своего отныне и на век...

Князь Сакульский вытянул руку, дернул из ножен косарь и резко чиркнул им по коже, давая тонкой алой струйке стечь в оставшуюся еще с прошлого года земляную ямку. Обещал не жалеть крови – докажи! Это ведь не просто жертва с просьбой о покровительстве, это предложение породниться. Он собирался присоединить эту землю к русскому государству и ныне смешивал свою кровь с землей здешнего святилища. Кровь детей Сварога и плоть детей Чеменя. Кровь от крови, плоть от плоти...

– Прими мою жертву, матушка-земля, дай мне свой ответ, матушка-земля.

Изумрудная трава колыхнулась от порыва ветра, вокруг дуба с независимым видом протопал небольшой ежик и скрылся по своим делам, на ветки берез опустилась небольшая птичья стайка.

– Спасибо тебе за доверие, матушка-земля, – кивнул Андрей, – и тебе спасибо, могучий Чемень. Можешь спать спокойно. Твой меч больше не понадобится для защиты здешних селений. Ты отдаешь свою отчину в надежные руки.

Князь облегченно перевел дух, поднялся на ноги, еще раз оглядел поляну.

Святылище, средоточие души здешних земель. Сюда приходят люди, чтобы напитаться внутренней мощью, чтобы вознести молитвы и отдать часть собственных сил для поддержания духовности в сердце родины. На этом месте непременно должен стоять храм. Только так можно слить воедино русскую веру и веру черемисских предков, энергию пришельцев и коренного народа, молитвы языческие и христианские.

Однако если смерды срубят или сломают идола, это будет воспринято здешними духами как оскорбление или агрессия. Сейчас, пока это место еще остается капищем, именно идол является самым намоленным предметом и главной святыней. Таким же чудотворным сокровищем, которым становятся великие православные иконы после веков пребывания в храмах и людских молитв.

– А ведь они сломают, – прикусил губу князь. – О высоких материях не станут задумываться. Для них язычество – это мерзость. Проклятие! Нужна лопата. Если я хочу, чтобы истукан не пострадал, придется предать его земле самому. Со всем своим уважением... Будем надеяться, смердам сейчас не до того, чтобы гулять по острову.

Разумеется, увидев князя с лопатой, Пахом направился следом. Однако если в прошлый раз он не одобрил уважительное поведение хозяина в капище, то теперь помог тому с удовольствием. Подрыв истукана, который не загнил ни в одном месте даже глубоко в земле, они уложили его горизонтально, присыпали суглинком, а сверху поставили деревянный крест, срубленный холопом из двух молодых сосенок и украшенный в перекрестье небольшой иконкой – Андрей вынул ее из складня, подаренного еще матушкой, но так ни разу за эти годы и

не открытого.

– Да пребудет милость богов с каждым, кто придет на эту землю с добром и любовью, – перекрестился, закончив работу, Зверев и поклонился кресту в пояс.

– Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, – подхватил Пахом и отчитал «Отче наш» до конца: – Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь.

– Вот и все, – кивнул князь. – Считаю, половину дела сделали. Теперь тут нужно храм сложить, пока черемисы ничего не прознали. Скажу боярину Ивану Григорьевичу, пусть поторопится. Пойдем.

Зверев вместе с дядькой возились у святилища полдня, но когда вернулись, не узнали берега: со стороны Волги, от устья Свияги и до Щучьей заводи уже стояла деревянная стена высотой в четыре венца! Вытащенные наверх тяжелые пушечные стволы лежали никому не нужной поленицей: стрелять с земли они не могли, потому как им мешала стоявшая вдоль края стена, а башни для них строители поднять еще не успели.

– Иван Григорьевич! – Андрей заметил бегающего в серой полотняной рубахе, выпущенной поверх шаровар, строителя. – Боярин, стой! Не угнаться за тобой... Надо бы в центре острова церковь поскорее поставить. Все же земля эта отныне христианская, нехорошо на ней без храма. Вон людей с нами сколько. Молиться им всем где-то нужно, причащаться, службы стоять.

– Три дня, княже! – решительно ткнул в его сторону пальцем Выродков. – Углы послезавтра свяжем и второй плот зачнем разбирать. Со стороны Щучьей заводи станем материал подводить. Церковь Троицы аккурат во втором и будет. Эй, раззява, ты куда, куда снизу бревно тянешь! Связка рассыплется! – вдруг кинулся вниз с холма боярин. – Там же номера на всех исчислены!

Зверев пожал плечами: похоже, у ученика арабских математиков каждый шаг был расписан далеко вперед. Князю оставалось только ждать и надеяться, что надежные укрепления появятся раньше, нежели о строительстве прознают в Казани, а церковь – до того, как кто-либо из туземцев пожелает посетить

священное место.

Однако Андрей недооценил трудолюбие арабиста: «связать углы» в его речи предполагало, что на правых и левых оконечностях острова со стороны Волги выросли настоящие, полноценные, двухъярусные башни, а также изрядные отрезки стен и мощные ворота с небольшой часовней в тереме и тремя рядами бойниц, прикрывающих вход. Пушкари вместе с холопами Сакульского заволокли туда восемь пушек, угробив на это полный день, а мастера за это время собрали из бревен, как из конструктора, внешние стены и завели в заводь вторую связку плотов. Тут же принялись разбирать его по всей длине и затаскивать бревна наверх.

На четвертый день гостей наконец-то заметили – на Волге, в паре верст выше острова, появились рыбацкие струги. Горные черемисы не пытались забросить сети или проплыть мимо. Они просто наблюдали, пока не понимая, что происходит в самом центре их земель. К вечеру нашлись двое смельчаков: на узкой стремительной долбленке почти к самому берегу подобрался пацан лет двенадцати и громко спросил наугад:

– А чего вы тут делаете?!

– Не видишь – грибы солим! – засмеялся один из мастеров, раскладывая дранку на кровлю надвратного терема.

– Тебя мамка здороваться не учила? – отозвался второй.

– Не видишь – город строим, – добавил гулявший с пищалью Мишутка.

– Ты, малой, чем попусту плавать, рыбки бы копченой привез, – ненавязчиво посоветовал Зверев. – Пеструха, говорят, у вас очень вкусно получается. Я заплачу.

– Ага, дяденька, – шмыгнул носом пострел на корме. – Я на берег выйду, а ты меня схватишь и в Крым продашь.

Многие мастера засмеялись, а Зверев назидательно сообщил:

– Какой Крым, дурачок? Мы же русские! Когда это мы кого хватали и в полон угоняли? Вези рыбу смело. Видишь, сколько тут народу? И каждый попробовать согласится.

– Батьку спрошу...

Мальцы разом гребнули веслами и тут же легко проскользили по волнам почти пять сажений.

«Первая удача, – мысленно поставил себе галочку Андрей. – От соблазна заработать никто не откажется. А выгодная торговля – лучшая основа для дружбы. Опять же на местных харчах и рабочих содержать дешевле».

Разумеется, рыбаки не упустили возможности выручить немного серебра, и утром нового дня к острову со стороны Свяги причалил уже довольно вместительный струг с семью корзинами, полными коричневой, пахнущей дымком рыбы. Здесь были и форель, и лосось, и судак, и лещи, и стерлядь. Видимо, черемисы выгребли всю рыбу, выловленную за последние пару дней, и коптили ее до самого утра. Страшно – а все ж таки приплыли.

То, что пришельцев боялись, Зверев понял сразу: в струге были только старики. Четыре седовласых деда с морщинистыми обветренными лицами и темными руками, огрубевшими от многолетней работы в холодной воде. Таких рабов даже крымские татары побрезговали бы в полон угонять. Разве только ограбят – но если при этом старика убьют, это не так жалко, как зрелого мужчину или подростка. Жестокая мораль, но неизменная во все времена.

– Пересортица, – свесившись над бортом ладьи, поморщился Андрей. – Уговаривались на пеструху, а привезли всякий сор. Куда его – кошек кормить? Так у нас столько нет.

– Есть и пеструха. – Один из стариков похлопал по боку одну из корзин. – Однако же белорыбица тоже хороша, пальчики оближешь. И сиги вкусные.

– Ваше счастье, что соскучился я по этому угощению. Сколько за все хотите?

– Пятиалтынный, боярин.

– Это вместе с лодкой?

– Три, – после некоторого раздумья согласился рыбак.

– Пахо-ом! Пошли холопов снесь выгрузить. А вы на берегу обождите, сейчас я за кошельком отлучусь.

Ждать покупателя остался только один из стариков. Трое вяло, как бы со скуки, начали прогуливаться вдоль берега. Поняв, что их никто не останавливает – разбрелись в стороны. Правда, слишком уж нахальничать не стали – минут через десять вернулись и отплыли, живые и здоровые, с тремя серебряными монетами. Минуту два дня – струги появились снова. На сей раз три, причем не со стариками, а с богато одетыми черемисами. Вместо рыбы опрятные отроки вынесли охапки рысьих и горностаевых шкурок, серебряные кувшины и блюда, несколько сладко пахнущих бочонков. Последним спустился по сходням упитанный черемис в подбитой бобровым мехом круглой шапке и суконных штанах, в заправленной черной рубахе, очень густо расшитой цветами и зелеными лианами, на которых то тут, то там поблескивали небольшие самоцветики. Вперевалочку подойдя к Звереву, толстяк крикнул, стащил с себя шапку, обнажив гладкую, как колено, лысину, и низко поклонился:

– Здрав будь, великий князь.

– Я не великий! – нарочито громко ответил Андрей. Не хватает только, чтобы кто-нибудь донес царю, как князь Сакульский титул правителя Руси присваивает. – Я всего лишь слуга, прибывший сюда по воле государя всея Руси, царя и Великого князя Иоанна Васильевича.

– Послали меня к тебе с поклоном роды черемисские, боярин, – тут же урезал титул гость, – дабы молить о милости. Видим мы, сколь грозную силу ты собрал, понимаем, что осесть здесь ты решил со всею крепкостью и волю свою провозгласить пожелаешь. Засим молим тебя, боярин, не разорять дома и веси наши, не жечь кочевья, не портить промыслы наши. Народ наш порешил собрать тебе подарки и поклониться уважением своим. Какое есть богатство, тем и делимся. Большого у нас, как ни старайся, не собрать. Нет тебе нужды воевать наши племена. Коли придешь – миром встретим. А что до татар казанских, тяглом непосильным нас обложивших, то все ханы, как про крепость твою прознали, убежали сами, животы спасая. Меча твоего ждать не стали.

– За дары от государя нашего вам благодарность, – приложил руку к груди Андрей, – все передам в целостности... – Он пальцем указал на подарки Пахому, кивнул в сторону ладьи. Тот подтолкнул вперед холопов, чтобы забирали, а Зверев продолжил: – Я, князь Андрей Сакульский, от имени государя нашего Иоанна клянусь вам, люди правобережной Волги, что вам нечего опасаться ни за себя, ни за угоды и веси ваши, ни за детей и жен ваших. Русь принимает вас отныне под руку свою и дает вам закон и обычай свой, какового и всякий смертный в русских землях придерживается. По закону и обычаю нашему никто и никого, пусть даже раба своего, не может лишить жизни, и за преступление такое предан суду будет, равно как и тать, на знатного боярина руку поднявший. Нельзя казнить смертью никого, кроме татя, на деле пойманного, без суда праведного и открытого. По закону и обычаю русскому всякий, кто в просторах русских родился, от рождения свободен телом и душой! По воле своей смертный может веру принять истинную али басурманскую, по воле своей человек может свободу продать и в закуп уйти, может службе ратной себя посвятить и до гроба бобылем оставаться. По воле своей и вере судьбу свою каждый сам избирает. Но святая русская земля рабов не рождает, а потому средь нас каждый приходит на свет свободным. По закону и обычаю нашему каждый смертный кровью или тяглом своим государю служит, а сверх оговоренного росписью никто и ничего с него требовать не вправе. Коли же ему тягло не по нраву, так волен он, долги выплатив, с земли своей уйти – хоть от князя, хоть от государя, хоть от думного боярина – и к другому хозяину на пашню сесть. А в том препятствий чинить ему никто не должен. И в истинности законов сих я, князь Сакульский, даю вам свое слово.

Андрей нарочно говорил это как можно громче – чтобы услышали все прибывшие. Законы Руси созданы больше в пользу простых людей, а не знатного люда. Родовитому толстяку наверняка все равно, будут ли новорожденные иметь свободу: его детям рабство не грозит. Но вот простые черемисы слова эти должны услышать, запомнить и другим потом пересказать. Пусть осознают: как бы ни была жизнь, какие беды пережить ни довелось – их дети в любом случае родятся вольными, пусть даже родитель трижды закупной и дважды раб. Пусть поймут: если не нравится хозяин, русский царь разрешает уйти к другому. Пусть сообразят: русские тиуны не станут вытряхивать из их закромов все до последнего зернышка. Заплатил тягло, и все остальное – твое. Живи хоть в княжеском богатстве – тройного оброка на тебя никто класть не станет. Русь – это безопасность, сытая жизнь и уверенность в будущем. А коли Казань сломается – то и татарских набегов можно будет не опасаться.

Слова достигли цели – отроки зашевелились, начали о чем-то тихо переговариваться. Толстяк же, облегченно утерев лоб, напялил шапку обратно:

– Благодарствую за милость, княже. Коли дозволишь, слова твои старейшинам немедля передам. Низкий от меня государю Иоанну Васильевичу поклон.

Струги отвалили от острова, ушли вверх по воде под низкие тяжелые тучи.

– Как бы дождя не началось, Андрей Васильевич, – озабоченно пробормотал Пахом. – Неприятно мокрому строить, замедлится работа.

– Не будет непогоды до конца половодья, не бойся, – пообещал Андрей. – Как там церковь, готова? Как отделка? Крышу покрыли?

– Иконостас поставили, княже, алтарь и пол коврами выстелили. Хоть завтра к заутрене подходи.

– Хорошо, – кивнул Зверев. – Коли черемисы потянутся, наверняка святому месту поклониться захотят. А там – дом Бога, красивый и просторный. В нем и молитвы возносить можно, и подарки предкам оставлять. Скрести пальцы, Пахом. Все идет слишком гладко. Именно с этого и начинаются все неприятности.

Однако на время для строителей наступил покой. Пять дней не было в крепости известий ни от рыбаков, ни от татар, ни от купцов. Хотя по времени – первые суда на Волге должны были уже появиться. Но меж темных берегов катились на юг только пологие ленивые волны.

Около полудня шестого дня черемисы появились снова. На семнадцати стругах, крикливые и веселые, все при оружии, многие – в кольчугах и кирасах, они приплыли с юга, со стороны Казани, то и дело оглашая окрестности воинственными воплями. Пушкари, не дожидаясь приказа, забили стволы картечными зарядами, княжеские холопы расхватили бердыши и пищали, строителей словно ветром сдуло от берега в глубь наполовину недостроенной крепости. Смерды, чего с них возьмешь? Стены стояли пока только со стороны Волги и Свяяги, первая башня выросла у Щучьей протоки.

– Не стрелять! – всматриваясь в струги, предупредил Андрей. – Пахом, пошли людей к пушкарям на башни, чтобы без моего сигнала даже фитилей не зажигали!

– Ты чего, княже? – не понял дядька. – Ведь сметут, коли на остров выпустим.

– Странно больно атакуют, – покачал головой Зверев. – Щитами прикрыться не пытаются, сами луки не готовят, да и вообще... В лоб на пушки переться? Мы же их одним залпом в щепки превратим, разве не понятно? А они вон, веселятся, будто анекдот свежий услышали. Разве так воют? Ну-ка, давай, гонца к пушкарям гони, холопов с глаз долой убери, а мне ферязь красную достань. Ту, с серебром, желтыми шнурами и изумрудами. А сам с пищалью у борта схоронись. На всякий случай. Прикроешь, пока я на виду стою...

Когда до ближних стругов оставалось метров пятьдесят, князь Сакульский спустился по сходням на берег, встал там, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Если едут очередные просители – они должны увидеть его спокойствие, уверенность в своих силах. Лицезреть хозяина острова, а не шкодливого мальчишку. Вот Андрей и стоял, несмотря на жуткий зуд у солнечного сплетения. Зверев никак не мог отделаться от ощущения, что на дне кораблей лежат наготове лучники, которые вот-вот начнут пускать стрелы именно в это место.

Десять метров... Пять...

Когда до кромки оставалось всего несколько шагов, многие черемисы принялись прыгать прямо в воду и выбираться из реки, поднимая тучи брызг. Большинство держали в руках какие-то грязные волосатые мячики. Только когда эти подарки полетели ему под ноги, Зверев понял, чем кланяются ему воины со стругов: человеческими головами!

– Это татары, княже! Это татары! – наперебой хвастались черемисы. – Я убил троих! Я убил пять, десять татар!

– Смотри, княже, мы отринулись от Казани! Мы служим русскому царю! Мы Казани враги, враги! Мы поплыли к Казани и бились с татарами! Мы гнали и убивали их! Смотри, мы не обманываем! Мы за царя, княже, за царя! Враги Казани! Смерть татарам, смерть!

Еще разгоряченные после недавней стычки, они размахивали руками, толкали друг друга, громко кричали и смеялись. Многие окровавленные, раненые, в рваной одежде – они были невероятно счастливы.

– Была битва? – спросил Зверев.

– Мы на Арское поле вышли, княже, – растопыбив пальцы, горячо начал рассказывать бритый наголо черемис в войлочном поддоспешнике и с кровавым пятном на щеке. – И стали там всех бить. Всех татар и крымчаков. Они побежали, мы на них надели, рубили с две версты. Тут с Казани сотни хана Кашака вылетели, на нас кинулись. С полсотни, мыслю, наших побили. Но и мы их не менее. Отогнали. А там глянь – новые сотни выходят! Нагоном пошли, в круг, к реке нас прижали. Ан мы вдоль причалов все лодки собрали да по воде и ушли! Мы побили татар, княже, гляди, – указал на грудь почти из полусотни голов бритый. – Не друзья мы более Казани, веришь? Враги!

– Вы молодцы, – наконец понял смысл происходящего Зверев. – Вы отважные, умелые и достойные воины. Царь всяя Руси нуждается в таких ратниках. Готовы ли вы поклясться ему в верности и служить честно и доблестно, покуда хватит сил?

– Клянемся, княже, клянемся! Верим русскому царю! Любо! Станем служить!

– Коли так, – развернул плечи князь Сакульский, – то ныне пойдете вы вместе со мной и произнесете слова клятвы в святом месте. И поцелуете на этом крест пред богами и людьми!

– Любо! Веди нас, князь! Будем служить!

Черемисов оказалось двести двадцать шесть человек. Поцеловав крест в верности царю Иоанну в центре древнего капища, у алтаря христианского храма, первые добровольцы правобережной Волги раскинули лагерь на полпути меж церковью и Щучьей заводью и принялись шумно делить привезенное на стругах добро, не забывая запивать ссоры пивом и вином. Выглядело все это, может, и не очень культурно, но зато Андрей был уверен: эти не сдадутся казанцам никогда! Две сотни бойцов – неплохое подспорье к полутора десяткам бердышей и трем десяткам пушек. Скромный гарнизон новой крепости начал

обрастать живым мясом.

– Хану Кащаку уже сейчас наверняка очень хочется меня убить, – усмехнулся себе под нос Зверев. – Да руки коротки. Пока дороги не просохнут, сюда ни одной собаке не пробраться.

Стены продолжали расти не по дням, а по часам. За два дня поднялась стена вдоль Щучьей протоки, еще за сутки – башни напротив брода, с широкими бойницами для подошвенного боя. Пока пушкари перетаскивали сюда с ладьи пищали, порох и картечь, плотники выложили нижние венцы еще на сотню саженой стены и начали собирать очередную башню, теперь для пригляда за заводью. Девятого мая рядом с первой ладьей к берегу причалила вторая, по сходням сбежал веселый боярин Поливанов, кинулся обниматься:

– Как я рад тебя видеть, княже! И тебя, Иван Григорьевич! Два месяца одни и те же смерды вокруг, рожи примелькались и надоели, словом перекинуться не с кем, делать нечего. Пока черемисы округ плавали, хоть на сечу надежда оставалась. Руки размять, в деле ратном повеселиться. Ан и те вскорости попрятались. Дозволь ныне на берег сойти, Андрей Васильевич? Приглядывать на Волге, почитай, и не за чем боле. Последний плот, он у берега стоит, еще один в заводи разбирается. От и все. Терять боле нечего, ни бревна не пропало.

– Последний плот? – удивился Зверев. – Так быстро?

– Это тебе быстро, Андрей Васильевич, – засмеялся Поливанов, – в делах да хлопотах. А для меня – ровно в порубе год просидел. По земле крепкой походить хочется. И не на десять сажень, а чтобы верст пять и без поворотов! В баньке особливо попариться хочется, да чтобы с пивом и девками!

– Насчет бани не знаю, – повернулся к Выродкову Андрей. – Что скажешь, Иван Григорьевич?

– Придется седмицу потерпеть, – похлопал ладонью о ладонь мастеровитый арабист. – Как стены встанут, тогда и о баловстве позаботимся. Ты же не хочешь, боярин, чтобы татары нас без штанов в парилке заловили?

– Седмицу? – не поверил своим ушам Зверев. – Ты хочешь сказать, что закончишь строительство крепости через семь дней?

- Нешто сомневаешься, княже? Дык, сам глянь. Чего там осталось? Мелочи!

Князь Сакульский вскинул брови, потом быстрым шагом направился к воротам, вошел внутрь крепости и остановился возле угловой башни, построенной самой первой. Строители успели срубить большую часть росшего на острове бора: где на леса, где для воротов и рычагов, где просто чего-то по месту не хватило и пришлось доделывать, подгонять и добавлять. Зато теперь стена была видна почти целиком. Недостроенным оставался еще изрядный участок, сажен двести. Ну и башни. Однако три четверти города уже были готовы к обороне, причем на местах имелись и пушки, и заряды, и ратные люди, умеющие с этим оружием работать. Что помешает боярину Выродкову закончить остальное в считанные дни? Неделя - и безымянный пока город будет готов выдержать любую осаду.

- Семь дней? - еще раз недоверчиво переспросил Зверев.

- Ну коли кровли еще покрыть, двери на подпятниках подогнать, коли не заладится что... Ну восемь дней - крайний срок, княже. Это не считая бани, причалов и колодца тайного для воды.

- Восемь дней... - задумчиво повторил Андрей. - Что же, Иван Григорьевич, у тебя хлопот преизрядно, тебя трогать не стану. А вот ты, Константин Дмитриевич, слушай меня внимательно. За Свягой буреломы непроходимые, да и сама река полноводная. Затон тоже широкий, ты сам видел, через него не перепрыгнешь. Зато через ручеек брод имеется, и дорога через болота летом, в жару, проходима. Посему для крепости всего две опасности. Татары либо посуху подойти попытаются и через ручей к стенам прорваться, либо на лодках с Волги подойти. У тебя сорок орудий. Картечными залпами ты хоть сто тысяч ратников от брода отгонишь - место открытое. Ядрами любые корабли от острова, Свяги и затона отворишь без труда. Только не зевай - и ни одна сила с тобой не управится. Еще я тебе своих холопов оставлю с пищалями и дядьку опытного. Стрелки они не аховые, но с огнестрелами обращаться умеют. Возле церкви две сотни черемисов табором стоят. Присягу на верность государю принесли, кровью повязаны, так что служить будут честно. Понял? За воеводу здесь остаешься. На тебе и крепость, и безопасность мастеровых. Давай, укрепляйся, обживайся, готовься.

- А как же ты, княже? - не понял боярин.

– Восемь дней, – широко улыбнулся Зверев. – Аккурат до Москвы добратся успею. Пора докладывать, боярин. Мы свое дело сделали. Какой у тебя самый быстрый ушкуй?

Через час ушкуи и ладьи один за другим начали отваливать от глинистого берега под новыми белыми стенами. Все они теперь были нужны князю в Нижнем Новгороде. Но один, развернув синий с трезубцем парус, вспенил воду веслами и рванулся вперед, оседлав высокий бурун. Князь Сакульский собрал сюда по четыре гребца со всех прочих кораблей, и теперь полуголые жилистые мужики гребли в три смены, отваливаясь от весел каждые полчаса. Если ушкуй успеет в Нижний за четыре дня – Зверев обещал по пятиалтынному каждому из моряков. Сам князь стоял на корме и смотрел на удаляющуюся, белую, как лебедь, крепость с постепенно зарастающей прорехой на северном боку.

– Крепость размером с Московский кремль за двадцать восемь дней! – в который раз удивленно пробормотал он себе под нос. – Целый город меньше чем за месяц. Интересно, в книгу Гиннеса этот рекорд попал или нет?

Ушкуй шел до Нижнего Новгорода меньше четырех суток – в полдень тринадцатого мая Зверев уже взял себе почтовых лошадей и мчался по московскому тракту. Самый быстрый из всех возможных способов передвижения: ровно час несешься безжалостным галопом, после чего бросаешь взмыленную лошадь на дворе яма, разминаешь ноги, пока служка перебрасывает седло, снова встаешь в стремя – и летишь во весь опор, чтобы через пятнадцать верст опять пересечь на свежего скакуна.

Князь скакал до глубокой ночи, но в Гороховце все же сдался: еще не хватало в полной мгле куда-нибудь вметелиться на полном скаку. Скорость, конечно, не мотоциклетная – но кости все равно переломаешь запросто, примерам несть числа. Здесь Андрей наконец позволил себе маленькую слабость: попарился в просторной ямской бане, купил у смотрителя чистое исподнее, выпил пару кружек пива. И поутру – опять вперед, вперед, вперед. Вязники, Лихие Дворики, Кривые Дворики, Сенинские Дворики, просто Дворики, стольный град Владимир... В Хрясове темнота снова выиграла, отобрав у всадника полных семь часов, и только в предрассветных сумерках князь помчался дальше, чтобы после восьми пересадок оказаться на московских улицах. Несмотря на строгий запрет, в Кремль он влетел верхом, натянул поводья возле привратной стражи:

– Дело государево! Где ныне царь?

– Здрав будь, княже, – узнал Сакульского один из бояр. – Пир у него в Грановитых палатах.

– Понял...

Зверев пнул пятками усталого коня, заставляя его перейти хотя бы на рысь, и доскакал до длинного, крытого резной деревянной черепицей, крыльца царского дворца, что начинался как раз за Грановитой палатой. Спрыгнул прямо на ступени, кинув поводья холопу в бесформенном суконном армяке и беличьей шапке «пирожком», забежал к парадным дверям великокняжеского дворца и коротко бросил рындам¹ в белых, шитых золотом, кафтанах:

– Дело государево!

Он вошел внутрь, повернул влево, миновал расписанные киноварью сени и кивнул рындам, в который раз произнеся заветную фразу.

К счастью, вот уже который год – еще с тех пор, как члены братчины Кошкина предотвратили первое покушение на Иоанна, – охрана царя состояла только из побратимов. И все они князя Сакульского не просто знали – не один жбан пива выпили за общим столом.

Андрей толкнул обе светло-коричневые створки и сбежал по четырем ступеням вниз, окидывая взглядом зал. Белые сводчатые потолки с золотой каймой в местах перегиба, расписные стены, украшенные позолоченной резьбой. Позолоченные окна, позолоченные углы столбов, позолоченные двери и проемы, позолоченные люстры на три десятка свечей каждая, висящие так низко, что задевали дорогие шапки.

Боярин из привратной стражи ошибся. У царя был не пир, а прием: многие десятки гостей в тяжелых московских шубах, думные бояре с высокими посохами и в форменных бобровых папах, опоясанные оружием князя в шитых золотом и серебром, украшенных самоцветами ферязях с перламутровыми пуговицами, патриархи в алых и черных рясах, скромные иноземцы в лакированных туфельках, чулках и куцых суконных накидках, через расплзшиеся швы которых проглядывала атласная подкладка. А может, это был прием перед пиром...

Растолкав служек с подносами, рушниками, кувшинами и кубками, Зверев выбрался вперед и, как можно сильнее топая, пробежался по ковру, решительно надвигаясь на стоящего возле государя иерарха в черной рясе и белом клобуке. Тот, опасаясь столкновения, посторонился, и князь Сакульский смог упасть на колени возле Иоанна, беседующего с каким-то иноземцем.

- Долгих тебе лет, государь!

- И тебе здоровья, князь Андрей Васильевич, - с холодной невозмутимостью повернул голову государь. - Ты, часом, не споткнулся?

В толпе бояр слышались радостные смешки, перебиваемые отдельными возгласами: «Дерзость какая!», «Непотребство!».

- Прости, что перебил... - нарочито тяжело перевел дыхание Зверев. - Доложить спешил... Крепость отстроена!

- Крепость? - Юный царь недоуменно поджал губы.

- Грубиян! - оживились бояре. - К царю без приглашения! На приеме! Ату его! Рынды! Ату!

- Я видел ныне, - поднял палец Иоанн, и в Золотой палате мгновенно повисла тишина. - Видел, вишня зацветать собралась. Как же, вишня еще не расцвела - а ты уж и добраться успел, и город в пустоши поднять?

- Двадцать восемь дней, государь, - поднялся во весь рост Андрей. - Двадцать восемь дней. Татары даже выстрелить ни разу не успели! Они, мыслю, еще только собираются узнать, чего ты там затеял, да опосля решить, как мешать станут, - ан крепость уже стоит. Пушки на башнях, наряд за стенами, ворота на замке. Народ горных черемисов, что на правом берегу Волги обитает, от Казани отринулся, дары тебе принес и с радостью в верности поклялся. Две сотни воинов черемисы дали, дабы на стенах службу ратную нести, да только мало их для обороны такого города. Для твоей новой крепости нужен гарнизон, государь. Тысяч пять служилых людей, не менее.

– Иди сюда, – схватил за плечо отступившего иерарха правитель, поднял с его груди тяжелый золотой крест: – Целуй, что истину глаголешь! Богом клянись, что верно все как есть сказываешь!

– Коли хоть слово солгал, пусть обрушит на меня Господь свой гнев с сей минуты и до седьмого колена, – широко перекрестился Зверев, наклонился к кресту и поцеловал его в самую середину.

– Стало быть, истинно так! – мотнул головой Иоанн. – Стало быть, стоит? Первая крепость, что построена в мое царствие!

– Не крепость, город целый, – поправил его князь. – С Великие Луки размером будет. Коли со всеми слободами Великие Луки считать.

– Вы слышали? Город! – торжествующе оглянулся правитель. – Волею своей отныне и навсегда нарекаю крепость сию Ивангородом! Отныне рядом с Казанью моя твердыня стоит!

– А на что нам крепость в чужих краях, государь? – громко хмыкнул один из тех князей, что явились с саблями и в ферязях, курчавый и остроносый. – Нечто Андрей Васильевич заблудился? Не знает, какие земли от набегов оборонять надобно?

И опять некоторые гости с готовностью обменялись смешками, другие неодобрительно загудели.

– А затем, боярин, – вскинул подбородок Андрей, – чтобы тебе, коли под Казань с ратью придешь, в трудный час ни умирать, ни драпать, ни в плен сдаваться не пришлось. На пятнадцать верст отступи, и в крепости от сильного врага всегда закрыться можно. Али раненых укрыть, али припасы нужные всего за день из крепости подвезти.

– Когда это князя Серебряные от ворога драпали?! – схватился за саблю остроносый.

– Только сдавались? – вскинул брови Зверев.

– Охолонь! – громко и твердо приказал царь. – Князь Сакульский не про тебя, князь Василий, сказывал, а об том, за-ради чего крепость сия поставлена. Дабы рать нашу, что к Казани подступит, из близкого места всеми припасами снарядить, усталых и увечных укрыть, слабым духом опору дать. И твердыни, столь важной для планов моих, я потерять не желаю. Вестимо, под рукой твоей ополчение калужское, тверское и белгородское в поход собрано? Муравский шлях и без вас ныне устоит. Повелеваю тебе, князь Серебряный-Оболенский, ныне же в крепость новую Ивангород с боярами своими отправиться и накрепко там встать, твердыню от супостата любого обороняя!

– Слушаю, государь, – приложив руку к груди, склонил голову князь.

– Дозволь слово молвить, государь? – По спине Андрея пробежал неприятный холодок. – Крепость сию высчитал, доставил и срубил боярин Выродков Иван Григорьевич, умный зело человек, но не знатный. Из низкородных... Дел еще в крепости много, укреплять и обустраивать надобно. Опасаюсь я, как полки в Ивангород приходят начнут, так по местническому обычаю от всякого дела ему отойти придется, и до конца строительство свое он так и не...

– Алексей Федорович! – перебил Зверева правитель. – Где ты там с чернильницей своей? Пиши немедля! Указом сим боярина Ивана Григорьевича Выродкова возвожу в дьяки свого царского приказа! И посему никому над ним власти никакой не иметь, окромя как мною лично назначенной! Пусть заканчивает дело, столь успешно начатое, невозбранно.

– Еще боярин Константин Дмитриевич Поливанов, – тут же добавил Андрей. – Я его воеводой в крепости оставил. Он на месте подходы все изучил, как оборону держать продумал.

– А-а, тот славный потомок колена Чингисова? Адашев, пиши. Сим указом принимаю боярина Поливанова в тыщу бояр своих избранных и назначаю от тысячи и ради своего пригляда воеводой в крепости Ивангороде.

«В царской тысяче законы местничества запрещены, – щелкнуло в голове у Зверева. – Значит, ни один князь, как бы знатен он ни был, на власть воеводы покусится не посмеет. Ссора с опричной тысячей – это ссора с государем. Чревато...»

– А еще запиши, – добавил Иоанн, – наделить обоих бояр вотчинами в землях луговых и горных, кои ими столь славно под руку мою приведены. И отдай ныне же в Поместный приказ, дабы к исполнению приняли немедля.

Князь Серебряный-Оболенский одарил Зверева долгим взглядом исподлобья и начал пробираться в задние ряды. Андрей ухмыльнулся: получилось, что его стараниями представитель древнего рода отправляется в далекий гарнизон под начало двух безродных бояр. С точки зрения законов местничества: позор – хуже некуда. Отныне этим назначением его потомков еще лет триста тыкать станут. Хоть вешайся – лишь бы конфуза избежать... Но и поперек царского приказа не попрешь. Иначе запросто можно со своими поместьями в разные стороны разойтись. В общем, бедняга крупно попал...

– А ты, Андрей Васильевич, вижу, из Ивангорода прямо сюда с докладом? – окинул Зверева критическим взглядом государь. – Мыслю, загнал ты себя изрядно. Посему на пир тебя приглашать не стану. Ступай, отдохни. Выспись, сил наберись. Ты мне еще понадобится.

– Припасы для крепости надобно закупать... – попытался добавить Зверев.

Но правитель небрежно отмахнулся:

– Ступай, – и вернулся к прерванной беседе с иноземцем.

Князь поклонился, под насмешливыми взглядами думных бояр направился к выходу. Когда его пальцы уже коснулись ручки двери, царь вдруг спохватился:

– Постой, Андрей Васильевич! Я совсем запамятовал. Отдыхать-то тебе и негде. Нет у тебя крова в Москве. Не искать же по постоянным дворам тебя, как понадобишься? Алексей Федорович, боярин Адашев! Помню, после смерти бабушки моей, княгини Анны Глинской, дом ее возле Успенского собора казне остался. Ныне дарю этот дом князю Сакульскому и детям его отныне и до века. Сегодня же дарственную составь. Теперича моя душа спокойна, князь, не потеряешься. Отдыхай.

«Успенский собор? – Зверев вздрогнул, как от удара, и даже забыл поблагодарить царя за щедрый подарок. В самом центре Москвы хоромы, в десятке дворов от князя Воротынского, на две улицы ближе к Кремлю, нежели

дворец дьяка Ивана Кошкина. – Он что, знает?»

Но Иоанн уже отвернулся, явно довольный растерянной физиономией князя Сакульского. Почти прогнал – и вдруг одарил. Шутник...

Успенский собор... Место, где он встречался с хитрой Ксенией, где его впервые одарила своим взглядом очаровательная и ласковая Людмила...

Андрей прислушался к себе – но в душе не дрогнула ни единая струнка. Отворотное зелье действовало надежно и бесповоротно. Сам варил, с чувством и старанием. Против такого не устоять.

Выйдя из дворца, он сунул чужому холопу, что держал коня, новгородскую «чешуйку», взял скакуна под уздцы, вывел из Кремля. За рвом, что зиял на месте будущих мавзолея и почетного кладбища, Андрей поднялся в седло, широким шагом добрался до белоснежного храма и привстал в стремях, глядя на развалины, что начинались с угла площади.

– Е-мое! Так вот где старая Ксения себе приют нашла... Ничего себе, подарочек! – Частокол, огораживавший двор, повалился в нескольких местах, открывая лазы шириной в два-три локтя; перед воротами и калиткой за несколько лет вырос вал грязи, в котором намертво усохли створки. Улочка, в которую водила его нищенка, на самом деле была щелью между покосившимися сараями и еще прочным тыном. – Весело...

Князь спешил. Ведя скакуна в поводу, он протиснулся через один из проломов на заросший лебедой двор, пробрался по узкой тропке ближе к крыльцу, огляделся с высоты.

Жердяные постройки по правую руку недавно пережили пожар, и теперь от них осталось только несколько обугленных стен; бревенчатый амбар огню не поддался, но остался без кровли, только стены. Слева сарайчики местами покосились, местами обвалились полностью. Кое-где через широкие щели в стенах наружу лезли жесткие ветки малины.

– Кто тут лазит?! – неожиданно окликнули Зверева из разбитого окна. – А ну, брысь отсюда! Щас, стрелу пущу!

– Язык придержи, – посоветовал Андрей. – Не то отрежу.

– Тут добро царское! Караул крикну, враз на перекладине вздернут!

– Больше не царское, – тихо ответил князь. – Теперь уже мое. Давай, вылазь. Кто таков?

Ему никто не ответил. Андрей решил было, что неизвестный обитатель дворца сбежал, однако через минуту приоткрылась входная дверь, на крыльцо вышел седой сгорбившийся мужик с перепутанной клочковатой бородой, в латаной-перелатаной серой полотняной рубахе и таких же штанах, в руках он тискал войлочную тафью.

– Прости, боярин, за дерзость. Я тут... Добро хозяйское стерегу.

– А хозяина не узнаешь, – хмыкнул Зверев. – Кто таков?

– Ярыга я княжеский, боярин. Еремей. При дворе жил, за воротами доглядывал, за порядком да скотиной. Воду там поднести, солому постеле...

– Не боярин, а князь Сакульский, Андрей Васильевич, – поправил его Зверев. – Ты тут один?

– Не, княже, еще Саломея тут. Остальных побили, а мы спрятались. Идти некуда, вот и остались пока. Саломея, она с рожи оспой поедена. Хоть и молодуха, а не берет никто. Зато подают хорошо. Так с тех пор и живем. Побираемся да за хозяйством приглядываем.

– Незаметно что-то ваших стараний, Еремей.

– Дык, княже, что в одни руки сделаешь? Да и самим кушать надобно. А коли лезет кто – прикрикну, они и бегут. Стражу позвать могу. Дом-то казне отписан, за царское добро они...

– В ухо дать? – ласково поинтересовался Андрей.

– Ой, прости, княже, запоматовав, – сложился пополам ярыга. – Твой дом, твой...

– Коня прими, расседлай. Поставить есть куда?

Слуга замялся, причмокивая губами.

– Понятно. Напои, ноги спутай и пусти траву щипать. Чего некошено вокруг?

– Дык чем косить, княже? Все растащили, татарвье проклятое, тати бессовестные. Опять же нет хозяина – ничто и не дается...

Андрей вошел в дом, постучал кулаком по бревнам ближней стены, ничего не услышал в ответ, двинулся дальше, повернул налево по серому от пыли коридору с выбитыми в торцах окнами. Все двери в комнаты были распахнуты, виднелись где распахнутые сундуки, где опрокинутые комоды и бюро, где разбросанные щепы и обрывки какой-то рухляди.

– Как Мамай прошел... Ой, ё! – Он хлопнул себя по лбу: – Как же я забыл?! Княгиня Анна Глинская – царская бабка! Ее перед вторым покушением Шуйские в колдовстве обвинили и в том, что пожар московский сотворила. Вот толпа старушку и растерзала. Заодно, само собой, челядь здешнюю побила и дом разграбила. Тогда все понятно.

Он поднялся на второй этаж. Все то же самое: голые стены, пустые сундуки и комоды, опрокинутая иноземная мебель. Слишком тяжелая, чтобы украсть, и слишком крепкая, чтобы сломать.

– Ни зым, так поднадкусю, – покачал головой князь, глядя на вспоротую перину в одной из светелок. – Зачем портили-то, козлы?

Легкие белые пушинки, взмывшие ввысь от движения ног, медленно оседали на пол, словно новогодние снежинки. Кровать же теперь напоминала силосную яму с парчовым балдахинном. Интересно, сколько курочек должны пасть жертвой поварского ножа, чтобы наполнить своим пухом такую вот емкость? Наверное, тысяч десять.

– Мне столько не съесть...

Миновав еще несколько разоренных светелок, большинство которых оказались спальнями – видать, княгиня держала с десяток приживалок, – он нашел одну, где перина почему-то уцелела. Подошел к слюдяному окну, вывернул из подоконника задвижку, открыл вовнутрь.

– Ну что, – вслух подвел он некоторые итоги. – Барахла тут никакого нет, разворовали. Но дарил мне царь не барахло, а дом. Дом же вроде хорош. Половина моей хрущовки из двадцать первого века целиком тут разместится. Крыша не течет, стены крепкие, окон всего с десяток выбили. Мусор вычистить – и будет настоящий княжеский дворец. И подворье отстроить. Поздравляю, Андрюша. Ты раздобыл московскую прописку.

Внизу под окном ярыга возился у передних ног скакуна – треножил, наверное. Зверев наклонился вперед, свистнул:

– Еремей! Сюда иди!

– Бегу, княже!

Андрей закрыл слюдяные створки, почесал в затылке:

– Интересно, а кто для меня этот проныра теперь будет?

Ярыгами на Руси становились безнадежные должники – попадали за просрочку платежей в неволю. Но, в отличие от холопов, эти рабы, расплатившись по распискам, получали свободу. Еремей был рабом при дворце Глинских. Но должником-то был не Андрея, а княгини Анны. И кто же он теперь? Вольный смерд или часть имущества?

– Слушаю, княже, – появился в дверях запыхавшийся Еремей. – Чего надобно?

– Помоги стол поднять, – наклонился к резным ножкам Зверев. Красивая работа. Тоже, небось, иноземная вещь. – Стулья, табуреты есть в доме?

– Не гневайся, княже, все тати унесли, когда смута случилась.

– Проклятие! Пошли тогда, хоть пару сундуков перенесем, на них пока посижу.

Кое-как обставив светелку, Зверев полез в кошелек и со вздохом вытащил новгородский рубль: почитай, стельную корову отдавал. Но меньшими деньгами явно было не обойтись.

– Вот, держи. Купи мне все для постели: простыню, подушку с наволочкой, одеяло с пододеяльником. А то спать не на чем.

– Сей минут...

– Стой! Значит, постельное, потом в харчевне какой-нибудь вина возьми и еды. Поросенка там запеченного, студня, капусты... В общем, чтобы мне на сегодня и на завтра хватило... Черт! Вместе с посудой покупай. Ну и себе чего-нибудь, само собой. Та-ак... Топор есть в доме? Топор купи, косу. Затопи все печи, а то зябко тут.

– Дык дров нет, княже.

– Догадываюсь, – отрезал Зверев. – Сараи кривые ломай – и в топку. Все едино новые ставить придется. Одежду себе новую купи. Негоже княжескому холопу в рвань бродить. А эта... Саломея твоя как появится, ей тоже скажи. Слугам князя Сакульского негоже на паперти стоять. Хочет при дворе остаться, пусть двором занимается. Коли же побираться понравилось – так путь открыт на все четыре стороны. И начинайте порядок тут наводить. Окна битые пока полотном промасленным затяните, порченное все выбрасывайте, целое по местам расставляйте. Теперь вроде все... Нет, стой! Баня есть?

– Сгорела баня, батюшка...

– Тогда ступай. Одна нога здесь, другая там. Я с утра не жравши...

Оставшись один, князь подобрал с пола тряпку, попытался протереть ею стол, но только оставил пыльный след. Плюнув, он выкинул ветошь в коридор, а сам растянулся на перине: хоть на мягкой постели первый раз за три месяца поспать...

Ярыга вернулся часа через полтора, довольный, пахнущий пивом и чесноком, с большущим свертком за спиной и новеньким топором за поясом.

– Вот, батюшка, – распутав узел, принялся он выставлять на стол деревянные и глиняные лотки. – Стерлядка заливная, капуста квашеная, капуста рубленая с мочеными яблоками, окорок запеченный, почки заячьи в соку, почки на вертеле. И вино испанское. Хозяин сказывал, самое лучшее. Это – простыня с прочим бельем... Я сейчас печи затоплю, дабы грелись, да за подушкой с одеялом сбегаю. Зараз в руках усе не уместилось.

– Ладно, топи, – махнул рукой Андрей, мысленно ставя ярыге плюстик: с деньгами не сбежал. Значит, можно положиться. Вот только купить стакан, кубок или хотя бы кружку Еремей не догадался. Зверев покачал головой, подцепил кончиком ножа пробку и припал к горлышку губами.

Подкрепившись, он уже в более благодушном состоянии обошел дворец и остался доволен: полсотни комнат разного размера, шесть печей, просторная людская и большая светлая кухня, где легко могли развернуться шесть-семь стряпух. Двор тоже просторный – поболее, чем у Воротынского будет. И это – в считанных шагах от Кремля! Рядом с царем. Сиречь – почет и уважение.

– Эгей, есть кто дома?

– Это еще кто? – Зверев пробежал по коридору, нашел горницу с выбитым окном, выглянул наружу и радостно охнул: – Иван Юрьевич! Какими судьбами? Сейчас, я спущусь!

Когда Андрей сбежал со ступеней крыльца, дьяк Кошкин уже спешил, скинул шубу на руки холопов, оставшись в черной шелковой рубахе и шароварах, и раскрыл объятия:

– Что, княже, не забыл друзей своих худородных?

– Ладно прибедняться, – сжал его покрепче Зверев. – Ближайший царский соратник. Такого титула никакое родство не даст. Пошли, Иван Юрьевич, новоселье мое обмоем. Скромненько, но пока иначе не получается. Голые стены.

– А то я не знаю! – Кошкин щелкнул пальцами, униженными перстнями, и из глубины свиты холоп вынес внушительный плетеный сундучок, от которого пахло пряностями и дымком. – Неси в дом.

– На второй этаж, – предупредил Андрей. – Там единственный стол на весь дворец.

– А чей это дворец, княже?

– Мой.

– Не-ет, пока еще царский. – Дьяк сунул руку за пазуху, вытянул свиток и начал медленно перемещать его по направлению к княжескому плечу. – Но он приближается, приближается... Вот, держи. Дарственная. У Адашева взял. А то ведь это мошенник еще тот. Коли сразу из него грамоту не вытряхнешь, может и вовсе не дать. Не знаю, дескать, и все. Пусть царь снова ему на ухо это повторит. А эти две – для друзей твоих, что у Свяги остались. На место дьяка в неведомом приказе, на зачисление в избранную тысячу и назначение воеводой в Ивангород. Держи. Про земли пожалованные так скажешь: на них Поместный приказ отпись рази к зиме даст, да и то хорошо будет.

Бок о бок они пошли к зданию, поднялись на крыльцо.

– Еще государь о припасах сказывал, что для города на Свяге нужны. Повелел он тебе за товар расписками на казну платить. Здесь же, в Москве, купцы золото али серебро полностью и получают. И хвалил тебя государь за ловкость изрядно. Как дом-то, понравился?

– Разве такой может не понравиться? У меня в поместье раза в три меньше будет.

– Оно и хорошо. Побратимов токмо не забывай. Заезжай, как время придет пиво варить.

– Не забуду...

Они поднялись к облюбованной Андреем светелке, где холоп уже успел выставить изрядное количество снеди и пять бутылок мальвазии.

– Ну, княже, славную ты службу сослужил. По труду и награда. За государя нашего выпить предлагаю, что справедливость верно понимает... – Боярин,

держа в руке открытую бутылку, шарил взглядом по столу.

Зверев рассмеялся и бухнулся на сундук.

Разумеется, собираясь в разоренный боярами Шуйскими дом, Иван Юрьевич позаботился обо всем: и о вине, и о закуске. Не вспомнил только о посуде...

Победитель

Удовольствия от перины князь так и не получил: гость ушел глубокой ночью, после того, как они на пару опустошили почти все бутылки и истребили большую часть закуски. Проводив боярина до пролома в стене, Андрей кое-как добрался до своей светелки и успел уснуть еще до того, как голова коснулась заботливо взбитой подушки. А на рассвете, несмотря на боли в висках и пересохшее горло, пришлось вновь подниматься в седло. В далеком Нижнем Новгороде у причалов простаивали ушкуи и ладьи, которым надлежало спешно возить припасы в Ивангород. Дождавшись, пока ярыга оседлает коня, Зверев сунул ему еще рубль и крутанул вокруг пальцем:

– Придай этому всему хотя бы слегка обитаемый вид. Окна заделай, частокол поправь, ворота откопай, двор выкоси. И вообще... Одежду новую купи, вчера еще велел!

– Не поспел за день, княже.

– Ну так успевай! Чтобы в следующий раз я приехал и удивился.

– А когда ждать-то, Андрей Васильевич? – Еремей отступил и перехватил скакуна за уздцы.

– Каждый день жди, – подмигнул ему князь. – Не расслабляйся. Да, и хоть кур каких-нибудь заведи. Не все же по харчевням за едой бегать. Все, с Богом!

Назад Зверев мчался опять же на почтовых – но уже не гнал во весь опор и в Нижний попал вечером третьего дня. Остановился в городе, на трехэтажном

постоялом дворе между домом воеводы и западной стеной. Тесно и дорого, но на этот раз он все равно был без лошадей и без холопов, а для престижа полезно. Почтового скакуна князь оставил на станции, получив обратно казенный залог. Еще перед сном Андрей кликнул хозяина и истребовал с рассветом вызвать к себе самых видных и честных купцов, торгующих зерном и мясом.

И казенная служба потянулась снова в самом что ни на есть нудном варианте. Разобравшись поначалу, кто, сколько и каких припасов готов доставить для ратных нужд, Андрей с утра встречался с купцами, потом вместе с ними отправлялся по амбарам, перебирая между пальцами овес и пшено, нюхая пласты вяленого мяса, растирая между пальцами сушеное; он следил, чтобы в трюмы грузили именно тот товар, что показывали для оценки, писал расписки, ехал к новым амбарам или возкам, вновь нюхал, щупал, пробовал на зуб, грузил, писал, считал, взвешивал, заказывал, требовал, ругался...

По его прикидкам, взрослому мужику в сутки требовалось хотя бы полфунта мяса – граммов двести в здешних измерениях. На шестьдесят тысяч ратников это уже получалось семьсот пятьдесят пудов в день – полный ушкуй. А если это перемножить на месяц? А если на четыре? А еще людям нужна каша, сало, вино, чтобы не болели, лубки и мох для ран, порох, свинец, дробь, жребий, наконечники для стрел, запас сабель, уксус для пушек, масло для ламп, фитили, деготь... И все – в невероятных количествах. Только и успевай грузить, проверять да отвешивать, от рассвета до заката, неделя за неделей.

Нудную бесконечную работу в Петров день оборвал неуместный в будни радостный колокольный перезвон. Андрей как раз отправлял вниз по реке очередной ушкуй с порохом и двумя пушечными стволами – пищали, они ведь лишними никогда не бывают. Дождавшись, пока корабль отвалит от причала, князь двинулся назад на постоялый двор, думая, у кого узнать, что случилось. Но ответ пришел сам – с бегущими навстречу босоногими мальчишками, орущими во всю глотку:

– Казань пала! Казань сдалась! Нет больше Казани!!!

В голове словно взорвалась бомба: как пала? Когда? Почему? Кто начал с ней воевать? Почему он, организатор этой самой войны, ничего не знает? Андрей остановился, проводил отроков взглядом, но спрашивать ничего не стал. Откуда им знать? За ответом следовало идти к воеводе.

Двор перед воеводским домом оказался запружен мужчинами разного возраста, от двадцати до сорока лет, но одетых совершенно одинаково: в длинные синие кафтаны и синие же шапки с беличьей оторочкой. За спинами у всех были самые настоящие бердыши, сделанные по образцу тех, что придумал Зверев, и почти все держали тяжелые ручные шестигранные пищали или опирались на них.

– Ой, Андрей Васильевич! – обрадовался воевода князь Сицкий, стоявший здесь же, у ворот с одним из странных гостей: худосочным, с ввалившимися щеками и чахлой узкой бородкой. – Я как раз смерда за тобой посылать пытался. Эти ратники по твою душу прибыли.

– Как это? – не понял Зверев.

– Здрав будь, княже, – скинув шапку, в пояс поклонился худосочный. – Посланы мы из Москвы в новую крепость, что на Свяяге построена. Службу охранную нести.

Поведение моментально выдало в ратнике смерда: боярин так раболепно даже царю кланяться не станет.

– Сколько вас? И откуда вы такие взялись?

– Восемь сотен, княже. – Худосочный выпрямился, но шапку не надел. – По царскому указу мы подрядились. Объявили в Москве, что государь среди вольных людей охотников до службы ратной созывает, огненным боем сражаться. Каждому освобождение от тягла за службу дает, отрез земли в наследное владение и рубль в год от казны на снаряжение. Вот мы, эта, и подрядились.

– Стрелки, значит... – кивнул Андрей. – Так вы из Москвы прискакали? Что там про Казань известно?

– Нечто не ведаешь, княже? – востропел стрелец. – Пала Казань! Взял ее воевода наш славный, князь Василий Серебряный-Оболенский, покорил единым ударом.

– Это как?

– Послал его государь к Казани в крепости тамошней сидеть. – Худосочный стрелец отер усы, словно после кружки пенного пива. – Однако же князь томиться за стенами не стал, прямо на басурманскую столицу двинулся. Осьмнадцатого мая, сказывают, свое знамя под вражескими стенами распустил, татар, коих увидел снаружи, побил, а сам к воротам попытался прорваться. Тут на басурман такой ужас напал. Взбунтовались они супротив отродья иноземного, что возле хана малолетнего засело. Те добро свое, жен с детьми побросали да бежать кинулись из города. Но князь супостатов догнал да в полон взял. Вместе с главным русским ненавистником, ханом Кащакком. В путях подлого разбойника князь в Москву доставил, там его за злобность и деяния, против Руси сотворенные, тут же и повесили. Вместе с князем Серебряным к государю посольство от Казани прибыло. Рабов русских отпустили – аж шестьдесят тысяч! В ноги царю татары поклонились, в верности вечной поклялись и запросили к себе в ханы Шиг-Алея, верного слугу государева. Иоанн Васильевич на то свое соизволение дал, и ныне хан Алей, вестимо, уж до Казани добрался.

– Ч-черт! – выдохнул Зверев.

– Ага, – радостно подтвердил стрелец. – Повесили черта!

В голове возникла пустота: что теперь делать, зачем? Война, которую он готовил так долго и с таким тщанием – отменяется. Может быть, это и хорошо: не будет проливаться лишняя кровь. Но ведь столько сил потрачено! И все – псу под хвост.

– Так как нам в крепость свияжскую попасть, княже?

– Ушкуи ко мне оттуда почти каждый день ходят... – пробормотал Андрей. – Человек по сорок на каждом и уплывете. Ладья сейчас у причала стоит, на нее сразу сотню посадить можно. Тесно, конечно, но тут всего четыре дня пути. Кстати, как прибудете, то Пахому, холопу моему, передайте, чтобы возвращался вместе с людьми. Вас теперь столько, что и без них крепость обойдется. Скажи, в Москву пусть едет. Мне тут, похоже, делать больше нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/voyna-magov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)